

ОБОРОНА ОДЕССЫ. 1941

Первая битва за Черное море

ХХ военные
тайны
века

А.С. ЮНОВИДОВ

Военные тайны XX века

Анатолий ЮНОВИДОВ

**Оборона Одессы. 1941.
Первая битва за Черное море**

«ВЕЧЕ»

2011

Юновидов А. С.

Оборона Одессы. 1941. Первая битва за Черное море /
А. С. Юновидов — «ВЕЧЕ», 2011 — (Военные тайны XX века)

Одним из самых заметных и самых удачных оборонительных сражений начала войны стала оборона Одессы. Это был не только коллективный подвиг многих тысяч людей, но и уникальная оборонительная операция. Она не имеет аналогов в мировой истории, в том числе и в обороне военно-морских баз. Об этих её уникальных особенностях и рассказывает книга. Одесса вполне могла стать как вторым Тобруком, так и первым Сталинградом. В книге рассказывается о многих не известных читателю катастрофах и победах. Читатель узнает, почему советская истребительная авиация при перебазировании из Одессы в Крым потеряла больше машин, чем за все время участия в боевых действиях и почему для румын ввод в бой 18 августа частей 1-й танковой дивизии превратился в «катастрофу под Карпово». Он узнает и о последнем, октябрьском наступлении румын на Одессу, никогда не упоминавшемся в советской и постсоветской литературе. При описании боевых действий максимально использовались сохранившиеся донесения, приказы, записи переговоров и другие архивные документы того времени, помогающие читателю лучше почувствовать драматизм происходящих событий. В книге впервые рассказывается история создания, принятия и реализации три раза менявшегося плана эвакуации Приморской армии. Много внимания уделено и причинам смены Сталиным руководства обороной города, которое через две недели после начала оборонительной операции было передано от армейского командования флоту.

© Юновидов А. С., 2011

© ВЕЧЕ, 2011

Содержание

Вместо предисловия	7
На дальних подступах	10
Появление оборонительных рубежей	10
Как четыре рубежа обороны превратились в три	13
Завершение оборонительных работ	16
Как Одесская группа войск стала Приморской армией	18
За Днестром	23
Как адмирал начальником гарнизона стал	27
Зенитная война	34
Отход.	36
Маневренная оборона	40
На ближних подступах	47
1-й Морской полк (11–15 августа)	47
Бои за Шицли	52
Танковый удар	55
Катастрофа	59
Бои за Кагарлык	59
Контрнаступление Воробьева	62
Катастрофа в южном секторе	65
Последствия катастрофы	69
На новом рубеже	74
Стабилизация	78
Организованная оборона	81
Битва за «Днепр»	81
Создание ООР	85
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Анатолий Юновидов

Оборона Одессы. 1941.

Первая битва за Черное море

©Юновидов А.С., 2011

©ООО «Издательский дом «Вече», 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Я не помню – сутки или десять
Мы не спим, теряя счет ночам.
Вы, в похожей на Мадрид Одессе,
Пожелайте счастья москвичам.*

*Днем, по капле нацедив во фляжки,
Сотый раз переходя в штыки,
Разодрав кровавые тельняшки,
Молча умирают моряки.*

*Ночью бьют орудья корпусные...
Снова мимо. Значит, в добрый час.
Значит, Вы и в эту ночь в России —
Что Вам стоит – вспомнили о нас!*

*Может, врут приметы, кто их знает!
Но в Одессе люди говорят:
Тех, кого в России вспоминают, —
Пуля трижды бережет подряд...*

Константин Симонов. 1941 г.

Вместо предисловия

Перед вами вторая моя книга о боевых действиях на прибрежных плацдармах во время Великой Отечественной войны, на этот раз посвященная обороне Одессы.

Тема обороны города-героя еще в советское время была «у всех на слуху», и предполагалось, что она давно полно исследована и широко известна. Действительно, на эту тему еще в советское время было написано большое количество книг и статей, снято несколько довольно известных фильмов, таких как «Поезд в далекий август» и «Подвиг Одессы».

Каждый человек старшего поколения помнит песни «Ты одессит, Мишка» и «Я встретил его под Одессой родной», в остальном же впечатления об обороне Одессы часто носят общий и довольно неопределенный характер. Вспоминаются лихие атаки моряков, удачная эвакуация советских войск, десант под Григорьевкой и участие в обороне города генерала Петрова, остальные же события, связанные с обороной города, как бы остаются в тени и известны очень немногим.

К сожалению, большое количество написанных в то время книг так и не дало цельной картины обороны города, акцентируясь на отдельных ярких эпизодах обороны и общем массовом героизме защитников Одессы.

Отседова

В постперестроечное время в Российской Федерации об обороне Одессы вспоминали значительно реже, в основном в исследованиях, посвященных другим темам. Если про оборону Киева, Москвы, Ленинграда, Сталинграда и Севастополя было написано несколько подробных исследований, то по обороне Одессы подобных книг до настоящего времени еще не выходило.

Как и многие героические страницы Великой Отечественной войны, она пока «теряется» на фоне грандиозных сражений и огромных по масштабам катастроф первого года войны. Масштаб обороны Одессы ни по количеству участвующих в ней с обеих сторон войск, ни по продолжительности событий, ни по значению для судеб страны и войны, конечно, не сравним с обороной Москвы или Ленинграда, но от этого она не становится ни менее драматичной, ни менее героической, и конечно, не становится менее интересной.

Вообще представление массового читателя о 1941 г. до сих пор в первую очередь связывается с оставлением огромных территорий и непрерывной чередой отступлений, разгромом целых фронтов и гибелью в огромных котлах многих армий.

Но 1941 г. был еще и годом долгой и упорной обороны. Военно-морские базы, обороняемые совместными усилиями армии и флота, а часто и населения городов, в которых они располагались, оказались для противника «крепким орешком». Военно-морская база Ханко оборонялась 38 дней. Одесса оборонялась 73 дня. Севастополь оборонялся 273 дня до середины 1942 г. Ленинград оборонялся в блокаде 873 дня до начала 1944 г.

В этих и многих других упорных оборонительных сражениях, центральным из которых стала битва за Москву, Советская армия приобрела бесценный, оплаченный огромной кровью и приобретенный после многочисленных ошибок опыт, ставший фундаментом последующих успешных действий.

Одним из самых заметных и самых удачных оборонительных сражений начала войны стала оборона Одессы. Это был не только коллективный подвиг многих тысяч людей, но и уникальная оборонительная операция. Задача книги рассказать именно об этой стороне обороны города-героя.

Оборона Одессы не имеет аналогов в мировой истории, в том числе и в обороне военно-морских баз. Об этих уникальных ее особенностях и будет идти речь. Думаю, что читателю предстоит узнать для себя много нового и интересного.

Он узнает о том, что Одесса вполне могла стать как вторым Тобруком так и первым Сталинградом. Он узнает, почему Сталин сыграл положительную роль в обороне Одессы, а Жуков – отрицательную, как Одесская группа войск стала Приморской армией, а четыре рубежа обороны города превратились в три и почему Григорьевский десант не закончился полным окружением противника.

В книге будет рассказано о многих неизвестных читателю катастрофах и победах. Читатель узнает, почему советская истребительная авиация при перебазировании из Одессы в Крым потеряла больше машин, чем за все время участия в боевых действиях и почему для румын ввод в бой 18 августа частей 1-й танковой дивизии превратился в «катастрофу под Карпово». Он узнает и о последнем, октябрьском наступлении румын на Одессу, никогда не упоминавшемся в советской и постсоветской литературе.

Читатель узнает, чем Таллинская оборона отличалась от Одесской и почему, в отличие от нее, эвакуация войск из Одессы не стала катастрофой, подобной Таллинскому переходу. В книге будет рассказано и о многих обстоятельствах, сделавших оборону Одессы не похожей ни на одно сражение Второй мировой войны. Наибольшее внимание уделяется участию в обороне города Приморской армии. При освещении ее участия в боевых действиях максимально использовались сохранившиеся донесения, приказы, записи переговоров и другие архивные документы того времени, помогающие читателю лучше почувствовать драматизм происходящих событий.

Однако многие другие вопросы, касающиеся обороны города, также освещаются впервые в посвященной этой теме литературе. Так, впервые рассказывается история создания, принятия и реализации три раза менявшегося плана эвакуации Приморской армии. Много внимания уделено и причинам смены Сталиным руководства обороной города, ответственность за которую через две недели после начала оборонительной операции была передана от армейского командования флоту.

Также подробно рассматриваются причины возникновения катастрофической ситуации, в результате которой командование Одесского оборонительного района осталось без резервов, Одесский порт чуть не был захвачен румынами, а Приморская армия едва не оказалась окруженной и отрезанной от путей снабжения и эвакуации.

Как и в предыдущей книге, основной упор делается на описание применявшихся обеими сторонами тактических приемов и анализу хода боевых действий. Много места уделено анализу обоснованности принимаемых командных решений и причин, ставших основой их принятия.

Если Вторую мировую войну часто называют «войной моторов», то оборону Одессы можно с полным правом назвать «войной артиллерии». Читатель узнает, какую роль в обороне Одессы сыграли корабли Черноморского флота, как оборона города изменила сами довоенные представления об их применении.

Во время обороны Одессы впервые была создана корректировочная служба флота, во многом определившая ход сражений за Одессу, Севастополь, Новороссийск и судьбу многочисленных десантных операций.

Румынским войскам пришлось искать приемы, позволяющие нейтрализовать участие Черноморского флота в боевых действиях. История поисков таких решений, в дальнейшем приведшая к катастрофическому развитию событий уже во время обороны Севастополя, также подробно рассматривается в книге.

Большое внимание в книге уделяется многим героическим и трагическим событиям, не привлеченным в свое время должного внимания исследователей. В обороне Одессы, как в зеркале, отразились все проблемы, стоявшие перед Красной армией и страной в тот период.

Имели место и попытки перекладывания ответственности, и принятие неоправданных решений, равно, как и старание огромного количества бойцов и офицеров, не считаясь ни с

чем, в том числе и с опасностью быть обвиненными в паникерстве и пораженчестве, до конца выполнить свой долг.

В книге приведено большое количество схем боевых действий, сделанных штабистами Приморской армии, использованы практически все доступные в настоящий момент архивные материалы по Приморской армии и значительная часть материалов по участию в боевых действиях кораблей ЧФ и частей Одесской военно-морской базы. Восстановить последовательность и детали боевых действий помогли журнал боевых действий Приморской армии, приказы и распоряжения командования Приморской армии и Одесского оборонительного района, донесения, оперсводки и записи переговоров частей, принимавших участие в обороне города.

Надеюсь, что после знакомства с этой книгой представление читателя об обороне Одессы изменится и эти два слова станут значить для него несколько больше.

Все замечания и предложения, возникшие после знакомства с книгой, прошу направлять мне на электронную почту по адресу: superkwest@mail.ru

На дальних подступах

Появление оборонительных рубежей

(5 июля – 31 июля)

На фоне катастрофических событий первых недель войны боевые действия на южном фланге созданного 24 июня Южного фронта развивались некоторое время относительно благополучно. Да и создавался сам Южный фронт, как указывалось в директиве № 1 его командующего, *«для объединения действий наших войск против войск противника, развернувшихся в Румынии»*.

Действовать на территории Румынии войскам фронта почти не пришлось, если не считать небольших десантов, высаженных на румынский берег Дуная в июне 1941 г., но перспектива возникновения необходимости оборонять Одессу – первый крупный Черноморский порт, расположенный на пути движения противника к Кавказу, еще долгое время казалась советскому командованию нереальной. Как вспоминал впоследствии начальник штаба Приморской армии, полковник Крылов: *«В первой половине июля лично я вообще не думал, что фронт может вскоре придвинуться к Одессе, относительно далекой от нашей сухопутной границы»*.

Среди советского командования впервые мысль о возможности оборонять Одессу высказал человек, лучше всех владевший информацией о развитии обстановки на южном направлении, – начальник штаба Южного фронта генерал-майор Шишенин.

5 июля в разговоре с начальником инженерных войск Южного фронта генерал-майором Хреновым он поинтересовался, *«как у нас обстоит дело со строительством оборонительных рубежей под Одессой?»* – и в ответ услышал, что *«фронт еще к строительству не приступал»*.

На момент этого разговора прямой угрозы Одессе еще не возникло, и о возможном взятии города, кроме Шишенина, пока не думал никто: ни по ту, ни по эту сторону фронта. Начальник генерального штаба вермахта генерал-полковник Гальдер только через 2 недели решил, что *«теперь следует приступить к операции по овладению Одессой»*, а командующий Одесским военным округом генерал-лейтенант Чибисов, руководивший оборонительными мероприятиями, тратил все имеющиеся силы на совершенствование противодесантной обороны Одессы – как с воздуха, так и с моря.

Шишенин не питал особых иллюзий относительно возможностей дальнейшего развития событий: *«На юге, в устье Дуная, мы пока стоим прочно. А на севере правый фланг восемнадцатой уже за Днестром. Естественно, Юго-Западный отступает, двенадцатая армия отошла, открыла наш фланг. А в центре, на бельцинском направлении, какой уж выступ? Если и здесь противник форсирует Днестр, то, скорее всего, повернет на юг, к морю»*.

В результате Хренов получил указание в течение 5 дней подготовить «планы строительства для прикрытия Одессы, Николаева, плацдармов на Ингульце и Днепре» и на следующий день выехал в Одессу.

В Одессе на тот момент проводились только мероприятия, характерные для всех городов, оказавшихся в сфере досягаемости противника и получивших с выходом директивы ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 29 июня статус прифронтовых областей: на предприятиях велась подготовка к возможному демонтажу наиболее ценного оборудования, формировались истребительные батальоны, роты МПВО и аварийно-восстановительные команды. Одесская военноморская база спешно укрепляла позиции береговых батарей и противодесантную оборону. По

выражению генерал-лейтенанта Чибисова, Одесский военный округ действовал «как-то враспырку».

Строить оборонительные рубежи было решено, используя в основном людские ресурсы самой Одессы¹, и развернув 3 управления военно-полевого строительства. Сам Южный фронт, правда, не располагал кадрами, необходимыми даже для организации одних только управлений. Поэтому 2 управления было решено развернуть на базе штатов военинженеров Верхнепрутского и Нижнепрутского УРов, свернутых при отступлении. Третье УВПС было развернуто на базе стройотдела Одесского округа. Четвертое управление удалось создать несколько позже за счет отошедшего из Молдавии 2-го УВПС Южного фронта. Оно оказалось самым многочисленным и состояло из 14 батальонов, которые, правда, прибывали в город в течение довольно длительного времени.

За два дня генерал-майор Хренов произвел рекогносцировку вокруг Одессы, успев составить себе представление о том, как должна в целом выглядеть будущая система оборонительных сооружений.

Две основные природные особенности рельефа местности, на которой была расположена Одесса, определили основные черты будущего оборонительного района, сделав его уникальным и не похожим ни на какой другой. К сожалению, обе они только затрудняли организацию обороны, так как изначально город, являвшийся торговым, а не военным, портом, возник в месте, мало пригодном для защиты.

Одна из этих особенностей – обилие лиманов. В 30–40 км от Одессы находился большой Днестровский лиман, а непосредственно к самому городу тянулось с севера и северо-востока много лиманов различных размеров, самыми крупными из которых были Малый и Большой Аджалыкские, Хаджибейский и Куяльницкий. Такой рельеф местности сильно затруднял маневрирование войсками вокруг города, что создавало наступающим гораздо меньше проблем, чем обороняющимся, которые вынуждены были реагировать на уже нанесенные удары, тратя для переброски к угрожаемым участкам значительно больше драгоценного в такой ситуации времени.

Вторая особенность – подъем местности в сторону берега моря. Это затрудняло обороняющимся маскировку позиций и усложняло осуществление огневой поддержки кораблям ЧФ, так как с моря берег практически не просматривался и требовалась дополнительная корректировка огня.

Всего планировалось возвести 4 оборонительных рубежа в форме концентрических полуокружностей, упирающихся в берег. Первый рубеж отстоял от города на 60 км. Вторым рубежом отстоял от города на 40 километров, третий – на 25–30. Наконец, предусматривалось строительство и четвертого рубежа, отстоящего на 12–14 км от городской черты, а также возведение нескольких промежуточных и отсечных позиций. Общая протяженность рубежей должна была составить 655 км.

В инженерном отношении рубежи должны были представлять собой систему батальонных районов обороны и опорных пунктов. Перед ними намечалось отрыть по всему фронту противотанковые рвы с эскарпами и контрэскарпами, т. е. крутыми откосами, обращенными соответственно в сторону наступающих или обороняющихся войск.

Сооружение противотанковых рвов в условиях дефицита времени на возведение оборонительных сооружений являлось довольно рискованным мероприятием, так как вражеская пехота, заняв рвы, сама могла их использовать в качестве дополнительных укрытий и мест для сосредоточения. Отрыв рвов неизбежно требовал значительного времени на организацию их прикрытия – как путем возведения дополнительных препятствий и заграждений, так и организацией их обстрела из оборонительных сооружений.

¹ Население которой на тот момент составляло более 600 тыс. человек.

Эти соображения легли в основу плана, разработанного инженерным управлением Южного фронта и 12 июля утвержденного его военным советом. Первоочередные работы должны были быть закончены к 25 июля, но само строительство смогли начать только 17 июля, причем по своей устоявшейся привычке генерал-майор Хренов вел его на трех рубежах одновременно.

Одесский обком КП(б)У 13 июля издал постановление, обязывавшее секретарей райкомов и председателей райисполкомов направить на фортификационные работы в черте города не менее трех тысяч человек.

Не зная темпов возможного продвижения противника, первоначально было решено на передовом рубеже прокладывать противотанковые рвы сначала в 300 а потом и в 150 м перед опорными пунктами, оборудуя их дополнительными орудийными и пулеметными капонирами, способными держать под обстрелом любую точку рва.

Но времени и средств на организацию подобной системы обороны, как оказалось, категорически не хватало. Поэтому на втором, главном рубеже рвы уже не выносились вперед, а включались непосредственно в систему батальонных оборонительных районов. Опорные пункты как бы сходились на ров, ставя его под обстрел противотанковых орудий и ружейно-пулеметного огня.

Одновременное строительство рубежей продолжалось довольно долго. Хренов переключил 2-е УВПС Южного фронта на строительство еще и 4-го рубежа.

Количество горожан, привлекаемых к инженерным работам, постоянно увеличивалось и к концу июля уже втрое превосходило намеченное первоначально. Из одесситов было сформировано 12 фортификационно-строительных батальонов.

Как четыре рубежа обороны превратились в три (1—18 августа)

Как и впоследствии под Севастополем, наиболее протяженные первый и второй рубеж обороны возводились наиболее медленно. С начала августа к строительству рубежей прибавилось еще и возведение баррикад на улицах самого города со знаменитыми «воротами» – промежутками для пропуска автотранспорта.

Постепенно становилось все более очевидным, что рубежи в июле достроены не будут. В августе Хренов, не имея ни одного законченного рубежа, решил сосредоточить усилия на достройке двух рубежей: первого и последнего. С наименее протяженного и наиболее законченного четвертого пояса обороны было снято самое мощное, 2-е УВПС и переброшено на строительство первого пояса обороны. Вместо него достраиванием четвертого пояса обороны занялось 83-е УВПС.

Количество одесситов, направляемых на строительство оборонительных сооружений, продолжало увеличиваться. 13 августа Одесский обком партии обязал райкомы и райисполкомы ежедневно дополнительно направлять на работы не менее 3 тыс. человек. А Одесский горсовет принял решение, по которому каждый трудоспособный гражданин должен был отбыть тридцатидневную трудовую повинность. К этому времени на строительстве оборонительных рубежей ежедневно работало уже 12 тыс. горожан.

По существу, в плановом порядке удавалось возводить только отдельные оборонительные сооружения. Так, под одноэтажным особняком на улице Перекопской Победы в Одессе был сооружен хорошо оборудованный подземный КП Приморской армии, круглосуточно возводившийся армейским строительным батальоном, для этой цели переведенным в Одессу из Тираспольского УРа.

Вокруг здания был сооружен сплошной бетонный пояс. Внутренние стены были укреплены металлическими балками, ячейки между которыми также заполнялись бетоном. Был смонтирован дизель-генератор для автономного электропитания, налажена водопроводная сеть от артезианской скважины. Приготовлена была и фильтровентиляционная установка на случай применения противником отравляющих веществ, завезены баллоны с кислородом. Была проложена и подземная патерна, соединявшая подземный КП с наземным, на улице Дидрихсона.

С самими же оборонительными рубежами дела по-прежнему шли неважно. Несмотря на максимально возможное привлечение людских ресурсов из-за крайне ограниченного количества техники работы шли совершенно не удовлетворительными темпами. Около ста автомашин, четыре сотни подвод, трамваи и железнодорожные платформы – вот и вся техника, которую удалось выделить для строительства всех оборонительных сооружений.

Роковую роль сыграло и решение начальника инженерной службы фронта Хренова возводить все 4 рубежа одновременно. Иллюзорность этих планов стала окончательно ясна только 8 августа, когда румыны прорвались к передовому рубежу у Куяльницкого лимана. Личный состав достраивавшего рубеж 2-го УВПС удалось эвакуировать.

После прорыва противника планы строительства были в срочном порядке пересмотрены самым коренным образом и приведены в соответствие со складывающейся обстановкой.

На обоих передовых рубежах решено было полностью прекратить строительство: на первом из-за прорыва его периметра румынами, на втором из-за слишком большого объема незавершенных работ. Второй рубеж сначала попытались закончить хотя бы частично, на участке от Беяевки до Тиллигульского лимана, но потом и это было сочтено бесперспективным.

В результате передовым рубежом решено было сделать третий; четвертый, как наиболее законченный, пришлось превратить в основной, а за ним решено было построить еще один, тыловой.

Впрочем, возведение первоначально задуманных рубежей было чрезвычайно проблематичным еще и по другой причине. Фронт обороны на передовом рубеже, строившемся по первоначально утвержденному плану, составлял 225 км. Удержать такой рубеж было возможно только в случае доведения состава Приморской армии до 5–6 дивизий, о которых в Москве Жуков говорил Софронову при назначении его командующим Приморской армией вместо Чибисова. Поэтому первые два рубежа не только некогда было строить. Их еще и нечем было удерживать.

Теперь передовой рубеж оказался изначально расположенным в 20–25 км от города, а основной, и вовсе в 12–14 км, что давало противнику возможность вести обстрел города из тяжелой артиллерии, которую он впоследствии активно использовал. Работы на оставленных рубежах были закончены примерно на половину. То есть если бы не происходило допущенного распыления сил, Одесса могла встретить противника минимум с двумя законченными рубежами.

Назначенный вместо Чибисова новый командующий армией Софронов серьезно подкорректировал планы Хренова и в части строительства противотанковых рвов, резонно потребовав сперва закончить хотя бы стрелковые окопы. Вообще после своего пребывания на Северо-западном фронте Софронов относился к противотанковым рвам с большим недоверием, полагая что от них больше вреда, нежели пользы.

А между тем фронт работ непрерывно увеличивался. Объемы оборонительного строительства резко росли и в самом городе. Помимо запланированных 243 баррикад было развернуто широкое строительство «опорных пунктов», отнимавшее массу времени, средств и людских ресурсов, так необходимых при возведении оборонительных рубежей.

Все крупные каменные дома укреплялись и оборудовались бойницами. Аналогичным образом переделывались и трансформаторные будки. Часть огневых точек сооружалась с использованием каменных заборов. На перекрестках и площадях планировалось строить железобетонные огневые точки. Также строилось огромное количество ходов сообщения. Под них переделывались ливневые канавы и канализационная сеть.

В организационно-тактическом отношении город разбили на шесть секторов. Каждый сектор имел свой гарнизон и план обороны. Во главе его стояли начальник, комиссар и главный инженер. И конечно, в секторах были свои командные пункты, склады боеприпасов и продовольствия, свои пожарные команды, связь и водоснабжение.

Строящиеся баррикады, объединенные в 3 кольца должны были выдерживать попадание снарядов 155-мм орудий, выпущенных прямой наводкой. В передней стенке баррикады, особо прочной, делались бойницы для пулеметов и орудий. Позади воздвигалась еще стенка, и обе они накрывались надежным перекрытием. Таким образом, каждая баррикада представляла собой нечто вроде блиндажа, укрывавшего небольшой гарнизон.

Соседние здания, входившие в баррикадные рубежи, тоже оборудовались как мощные огневые точки, способные вести огонь по атакующим танкам.

Но прежде чем подступить к баррикадам, вражеские танки должны были преодолеть различные препятствия: ежи из рельсов, металлические надолбы, болванки, оплетенные проволокой. На пустырях, в садах и огородах система противотанковых препятствий дополнялась рвами и минными полями.

20 августа, после обвала фронта под Беляевкой, командующий ООР контр-адмирал Жуков отдал распоряжение о срочном завершении подготовки города к уличным боям:

«1. Закончить все работы по баррикадированию улиц г. Одессы:

а) Внешнего обвода оборонительного рубежа, прилегающего к окраине города 23.8 41 г.

б) Внутренней части города 25.8. 41 г.

2. Баррикады, построенные из гранитного камня, одеть мешками с песком.
3. Все баррикады, построенные с активной задачей, приспособить для ведения огня из них и прилегающих к ним зданий.
4. Ширококолейную трамвайную магистраль проверить и сделать ее готовой для действия бронепоезда.
5. Для выполнения всех работ в указанный срок через представителей районной власти и партийных органов мобилизовать все население и местный транспорт».²

Единственно востребованной во всем этом строительстве оказалась только система бомбоубежищ для населения, под которые были оборудованы все подходящие подвалы. Подвалов, впрочем, не хватило, и Хренов, очевидно, уже предвидя, во что скоро выльется возведение оборонительных рубежей по принципу «все и сразу», со второй декады августа отдал распоряжение использовать именно для этих целей городские каменоломни.

Масштабное строительство оборонительных сооружений в городе не имело особого смысла, так как Одесса при грамотной организации обороны еще могла стать вторым, русским, Тобруком³, но никак не могла стать первым Сталинградом. При полной изоляции города потеря структуры оборонительного района и завязывание широкомасштабных уличных боев скорей всего означали бы неизбежную гибель всех частей, пытающихся обороняться таким образом. К счастью, до проверки эффективности «уличных сражений» в таких условиях дело так и не дошло.

Для производства оборонительных работ в самом городе было создано на базе частично отошедшего к городу управления начальника работ 82-го Тираспольского УР 82-е УВПС. Количество фортификационно-строительных батальонов было доведено до 20, но при таком росте объемов работ завершение внешних рубежей становилось совершенно не реальным.

Частично положение смогло поправить только вмешательство Шишенина. Наблюдая за деятельностью Хренова, начальник штаба после сужения оборонительного периметра понял, что пора вмешиваться и в ходе трехчасовой беседы тактично намекнул Хренову, что оборону можно даже теперь строить несколько иначе.

Шишенин не стал критиковать «главного инженера фронта», а разложив карты, обратил его внимание на то, что можно сделать в сложившейся ситуации с имеющимися ресурсами. Шишенин предложил еще раз пересмотреть план ведения оборонительных работ и еще сильнее уменьшить оборонительный периметр, но не за счет его переноса к городу, как это механически делал Хренов, а сократить фронт обороны за счет площади лиманов. При этом всю систему обороны Шишенин предложил разбить на самостоятельные сектора, поддерживаемые подвижным резервом.

Еще одной проблемой, которую в целом решить так и не удалось, стало водоснабжение города в условиях возможной осады. Одесса в основном снабжалась водой из Днестра, через водозаборную станцию в районе Беляевки. В том, что румыны скоро займут Беляевку, не сомневался даже Хренов. В городе, правда, имелись водохранилища и артезианские скважины. Но в первых, из-за жаркой погоды был крайне низкий уровень воды, а вторых было недостаточно.

Решили бурить новые скважины, хотя эффект от этого не мог быть значительным, так как уже имеющиеся покрывали не более 10 % потребности города в воде. Для этих целей решено было сформировать гидротехническую роту и отряд глубокого бурения. Кроме этого было решено нормировать потребление питьевой воды и ввести обязательное использование морской воды для хозяйственных нужд и тушения пожаров.

² ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 5117, д.2, л.187–188.

³ Чего всерьез опасался Гальдер.

Завершение оборонительных работ *(19 августа – 5 сентября)*

Новый план строительства оборонительных рубежей Хренов разрабатывал дольше предыдущего и подготовил его только после создания Одесского оборонительного района. Военный совет ООР план одобрил, потребовав, правда, от инженерного руководства армии усилить строительство оборонительных сооружений как на рубежах, так и в самом городе.

В соответствии с новым планом основные работы производились на бывшем четвертом рубеже обороны, ставшем теперь главным. Бывший третий рубеж, ставший теперь передовым, нуждался в относительно небольших доделках, но производить их кое-где приходилось уже в пределах досягаемости вражеского огня. Тыловой же рубеж пришлось возводить прямо на окраинах города. Правда, самостоятельного боевого значения он не имел и должен был удерживать противника лишь в случае эвакуации города в течение времени, необходимого для отвода войск.

К сожалению совершенно неожиданное продолжение получили идеи генерал-майора Шишенина о сокращении размеров оборонительного периметра за счет использования водного зеркала. ВС ООР решил в случае прорыва противника к тыловому рубежу сократить размеры оборонительных рубежей за счет затопления низинного района города – Пересыпи – путем взрыва построенной в 1939 г. дамбы Хаджибейского лимана и поручил инженерному управлению подготовить дамбу к уничтожению.

Для командования армии пришлось построить еще один укрепленный командный пункт в районе Аркадии, который должен был использоваться в качестве запасного. Из-за возросшей интенсивности вражеских обстрелов и бомбежек пришлось расширять и сеть бомбоубежищ для населения. Теперь под эти цели должна была также переоборудоваться часть подземных складов, катакомб и водоканализационной сети.

Полным ходом шло и бурение артезианских скважин. В некоторых местах вместо них удавалось отрывать колодцы. Всего в строй было введено 58 новых источников питьевой воды. Этого хватило; правда, воду, как и продукты питания, пришлось выдавать по карточкам.

Рабочих рук для строительства по-прежнему не хватало. Были сформированы еще 4 фортификационных батальона, но численность строительных частей была далека от штатной. Армейские строительные батальоны вообще были укомплектованы только на треть, и численность ни одного из них не превышала 400 человек.

В конце концов главный рубеж, всегда находившийся в наибольшей степени завершенности, все-таки удалось полностью доделать, но произошло это только к 5 сентября.

Общая протяженность главного рубежа составила около 80 км с глубиной обороны до 3,5 км. Рубеж опирался на находившиеся на его линии села и хутора и состоял из 32 батальонных районов обороны, включавших в себя ротные и взводные опорные пункты, огневые позиции артиллерии и минометов.

Всего было открыто около 1500 групповых окопов – на взвод и отделение, соединенных 42 км ходов сообщения и опиравшихся на 256 деревоземляных, кирпичных и железобетонных огневых точек.

Противотанковые оборонительные сооружения на главном рубеже также были закончены полностью. Они располагались не только на переднем крае, но и в глубине обороны и состояли из рвов с эскарпами и контрэскарпами⁴, трех-четырёх рядов деревянных надолб, оплетенных

⁴ Скаты с увеличенной крутизной, затруднявшие преодоление рвов.

толстой гладкой проволокой, ежей из рельсов, мин и фугасов. Глубина рвов достигала 2, 5–3 м, ширина по верху – 6–7. Все они простреливались пулеметным и противотанковым огнем.

Противопехотные проволочные заграждения удалось установить практически на всех участках, правда, различной глубины: от 2 до 5 рядов. Колючей проволоки на заграждения такой протяженности не хватило, и она устанавливалась в комбинации с обычной, усиливаясь противопехотными ежами и рогатками. На наиболее угрожаемых направлениях устанавливались и спирали Бруно. Противопехотные рубежи активно минировались, в том числе и импровизированными минами, изготавливаемыми в Одессе артелью детских игрушек из консервных банок и коробок для киноплёнки. Всего было заложено около 40 тыс. мин. На наиболее опасных участках минные поля дополнялись шрапнельными фугасами.

На угрожаемых направлениях были также оборудованы открытые сверху блокгаузы для зенитных орудий, которые позволяли установленным в них орудиям вести огонь как по воздушным, так и по наземным целям.

Два других рубежа такой законченностью похвастать не могли. Передовой рубеж имел протяженность до 140 км и значительно меньшую глубину обороны – до 2,5 км на угрожаемых направлениях и до 1,5 км на остальных участках. Имевшиеся на нем стрелково – пулеметные окопы часто не имели полного профиля. Также не было закончено и большинство минометных и орудийных окопов. Значительно слабее здесь были также противотанковые и противопехотные заграждения. Тыловой рубеж, проходивший по Одесским окраинам, тоже имел массу недоделок, но, учитывая его назначение, они не являлись слишком критичными.

После сдачи главного рубежа военному совету ООР размах и темпы оборонительного строительства значительно уменьшились. Большая часть военных строителей была влита в боевые части Приморской армии. 388-й и 82-й батальоны вошли в состав 287-го стрелкового полка Чапаевской дивизии, занимавшей позиции в Южном секторе. В этом же секторе заняли позиции 105-й отдельный саперный батальон и 47-й отдельный понтонный батальон, приданный 90-му стрелковому полку. 247-й отдельный саперный батальон и 150-й батальон связи заняли позиции в Восточном секторе. Не имевшие боевого опыта и тяжелого вооружения строительные части, состоявшие из квалифицированных специалистов, потеряли в ходе боев до 50–70 % личного состава.

Как Одесская группа войск стала Приморской армией (5—19 июля)

5 июля, очевидно, с подачи начальника штаба Южного фронта генерал-майора Шишенина, после прорыва румын через Прут в ставку главного командования ушло «боевое донесение командующего войсками Южного фронта об обстановке и решении на оборону», в котором сообщалось, что:

«...В результате двухнедельных боев армии Южного фронта продолжают удерживать в своих руках рубеж р. Прут и р. Дунай, за исключением участка Сняты – Штакешти, где правофланговые части 18-й армии отходят на новый оборонительный рубеж в связи с отходом левого крыла ЮЗФ.

Противнику к исходу 4.07 удалось форсировать р. Прут, перебросить на восточный берег до шести пд и одной кд, что вынудило наши части отойти на 20–25 км. Противник создал себе достаточный плацдарм (шириной свыше 100 км и глубиной до 25 км) для развертывания дальнейших наступательных действий в общем направлении [на] Винницу...»

Подозревая, что «...проявляемые противником усилия в Броды – Тарнопольском и Черновицы – Тарнопольском, а также Ровно – Бердичевском и Бельцы – Винницком направлениях подтверждают замысел противника: двойным концентрическим ударом окружить основную группировку Юго-Западного фронта и правого крыла Южного фронта...» командование фронта предлагало «...выполнять поставленные... задачи методом подвижной обороны, опираясь на УРы, р. Днестр», оперевшись при этом на линию из шести укрепрайонов (от Каменец-Подольского до Тираспольского) и сосредоточив основные силы фронта ближе к его правому флангу.

При этом планировалось создать «...для обороны Одессы и подступов к ней район в границах Березовка (иск.) – Тирасполь – Опач – р. Чага – оз. Сасик – побережье Черного моря до (вкл.) Николаева», который должна была прикрывать «Одесская группа войск в составе 51, 25, 116 сд, гарнизона Тираспольского УРа и всех частей, имеющих на побережье Черного моря в указанных границах». Командующим Одесской группой предлагалось назначить заместителя командующего войсками Южного фронта генерал-лейтенанта Чибисова.

Однако планы командования фронтом не вполне отвечали чаяньям Ставки. Начальник генерального штаба генерал армии Жуков представлял себе отдельную группу войск несколько иначе... Прежде всего заместителю Народного комиссара обороны не понравилось название «Одесская». Жуков не собирался отступать до самой Одессы и имел на группу войск, которые предлагалось сосредоточить под Одессой, совсем другие виды. Жуков надеялся, что группу войск, которую он предложил, дабы избежать ненужных пораженческих ассоциаций, именовать «Приморской», удастся развернуть в мощную армию, которая будет в состоянии нанести сильный удар по румынам на левом фланге Южного фронта.

По кадровым вопросам у Жукова тоже имелись свои соображения. Чибисов категорически не устраивал его в качестве возможного командующего. Достойной кандидатуры, правда, в Ставке сходу подобрать не смогли, вопрос пока остался открытым, и Чибисов по предложению Военного совета Южного фронта все-таки стал временно командовать вновь созданной Приморской группой, без освобождения его от обязанностей командующего округом. С остальными кандидатурами на руководящие должности ситуация оказалась проще. Жуков сам предложил назначить начальником штаба группы Шишенина, заметив при этом, что ему будет по плечу организовать надежное взаимодействие группы с флотом. Членом Военного совета Приморской группы утвердили бригадного комиссара Осина.

7 июля командующий Южным фронтом получил соответствующую директиву, которую стоит привести полностью.

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ГК № 00226

КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ЮЖНОГО ФРОНТА

О НАНЕСЕНИИ КОНТРУДАРА И УКРЕПЛЕНИИ

ОБОРОНЫ НА РЕКЕ ПРУТ

Копия: командующему войсками Юго-Западного фронта

7 июля 1941 г. 03 ч 45 мин

Ваше предложение, изложенное в № 723, Ставкой не утверждено, как исключительно пассивное и не отвечающее обстановке. На участке Яссы и до Черного моря противник не способен к активным действиям, и лишь только на участке Яссы – Братушаны он вклинился в оборонительную полосу на 20–25 километров. Эта группировка, при желании активно драться, могла быть контрударом частей нашей обороны смята и отброшена за Прут. Ставка приказала:

Собрать резервы из районов Болград, Черновицы, Бельцы, Кишинев и контрударом отбросить противника за р. Прут. Прорвавшиеся танки противника уничтожить силами 2 мк. К контрудару привлечь всю авиацию фронта, которой непрерывно воздействовать на артиллерию противника и на его боевые порядки.

После отхода 12-й армии за Летичевский укрепрайон правый фланг от Липканы загнуть на Хотин и далее по южному берегу р. Днестр на Калюс, сомкнув фланг с Могилев-Ямпольским укрепленным районом.

Из Каменец-Подольского УРа снять вооружение и оборудование и гарнизоны вывести на усиление обороны коридора между Летичевским и Могилев-Ямпольским УРами на участке Копай-Город – Ольховец. Этот стык должен быть прочно занят полевыми войсками и здесь же держать в резерве одну – две стр. дивизии, артиллерию которых иметь развернутой на огневых позициях.

На участке Яссы – Измаил организовать диверсионные действия небольших отрядов с целью пленения румын и захвата материальной части.

Всю артиллерию РК отвести и развернуть за УРом на восточном берегу р. Днестр на участке Могилев-Подольский – Рыбница.

3. Против формирования Приморской группы Ставка не возражает. Командующим этой группой т. Чибисов не утвержден, необходимо немедленно подобрать другого.

4. Ставка обращает Ваше особое внимание на необходимость более активной обороны и недопущение прорывов противника, имея в виду, что нам территория Бессарабии нужна как исходный плацдарм для организации наступления.

ЖУКОВ⁵

⁵ ЦАМО РФ, Ф. 48а, оп. 3408, д. 4, л. 13–15.

И в этот же день директивой Военного совета Южного фронта была создана Приморская группа войск *«в составе: 25, 51-й и 150-й стрелковых дивизий и частей, расположенных на побережье Черного моря»*, которой была поставлена задача *«прочно прикрывать восточный берег р. Прут, северный берег р. Дунай и побережье Черного моря, не допуская высадки морских и авиадесантов противника»*.

Такое преувеличенное внимание к вражеским десантам не было случайным. Начальник генерального штаба генерал армии Жуков, поддерживавший мнение, что *«Центр Крыма – это сплошной аэродром, что точно известно врагу»*, опасаясь, что ему устроят второй Крит, желал бороться с неприятельскими десантами не меньше, чем наступать, о чем свидетельствует множество документов того времени. Вот один из них, демонстрирующий размах проводимых Жуковым мероприятий.

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ГК № 00266

КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ СЕВЕРНОГО

И ЮЖНОГО ФРОНТОВ, ВВС КРАСНОЙ АРМИИ

О МЕРАХ ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ ВЫСАДКИ

И УНИЧТОЖЕНИЮ ДЕСАНТОВ ПРОТИВНИКА

10 июля 1941 г.

По сведениям разведки, германское командование предполагает выбросить большие воздушные десанты в районе Ленинграда и воздушные десанты в сочетании с морскими в районе Одессы.

Ставка Главного Командования приказывает:

Принять меры предотвращения высадки германских воздушных десантов и в случае их появления решительно уничтожить на земле и в воздухе.

С этой целью выполнять следующие мероприятия:

Организовать систематическую воздушную разведку в расположении противника на глубину до 200–250 км. Систематически, днем и ночью, действиями мелких групп по аэродромам сковывать авиацию противника и срывать подготовку операции.

Срочно привести в боеготовность воздушно-десантные части, располагая их в районе, установленном директивой от 7.07.1941 г. за № 1/0971.

Иметь всегда резерв истребителей и легких бомбардировщиков с готовностью уничтожить воздушный десант в воздушном бою, во время посадки и на земле. Транспортные полки иметь в готовности к погрузке и переброске своих воздушно-десантных частей.

Разработать план действий против воздушных десантов противника. Планом предусмотреть использование тылового штаба округа как штаба, отвечающего за руководство боями против десантов на территории, где нет войск действующей армии. Штабу подчинить отряды местного народного ополчения, милицию и команды Осоавиахима, все школы, в том числе и авиационные, для действий против воздушных десантов.

Все аэродромы, не занятые нашей авиацией, покрыть искусственными препятствиями, установить за ними наблюдение.

6. Иметь на учете авто– и гужевой транспорт и подготовить из него команды для перевозок рот или батальонов истребления воздушных десантов. Шоферы должны знать сборные пункты и своих командиров.

Взять на учет мужчин-велосипедистов и из них создать команды разведчиков и передовые отряды.

Командирам и штабам отрядов истребления изучить дороги на основных направлениях и дать указания сельсоветам снять указатели дорог.

Ввести пароли на телеграфных и телефонных станциях и запретить передачу телеграмм, телефонограмм и переговоры между пунктами без получения пароля.

О принятых вами мерах донести 12.07.1941 г.

Начальник Генерального штаба генерал армии ЖУКОВ⁶

Однако из-за быстрого изменения обстановки использование Приморской группы войск для защиты Одессы от десантов прекратилось значительно быстрее, чем использование для аналогичных целей 51-й армии в Крыму.

Первоначально в Приморскую группу войск кроме трех дивизий 14-го стрелкового корпуса вошли в качестве «частей, расположенных на побережье Черного моря» 79-й и 26-й пограничные отряды, Дунайская военная флотилия, Одесская военно-морская база, специальные части и 69-й авиационный истребительный полк, а также штаб, управления и отделы Одесского военного округа.⁷

Но после форсирования румынами Прута у Цыганки и начавшегося отхода войск левого фланга Южного фронта в штатном составе и организационной структуре группы войск стали происходить значительные изменения.

Директивой командующего Южным фронтом от 18 июля Приморская группа войск была преобразована в Приморскую армию, после чего было принято решение о расформировании 14-го СК и передаче 150-й СД в распоряжение 9-й армии. Одновременно было принято решение о формировании в Одессе для передачи Приморской армии 1-й кавалерийской дивизии. Также армии были переданы Тираспольский укрепрайон и бригада ПВО. Затем была проведена еще одна «рокировка»: в 9-ю армию была передана 51-я Перекопская дивизия, а оттуда получена 95-я Молдавская дивизия.

Несколько позже, в начале августа, из состава армии в непосредственное подчинение командующего Южным фронтом Тюленева была выведена Дунайская речная флотилия.

В конце июля был назначен уже не временный, а постоянный командующий Приморской армией. Вместо возглавившего резервную армию Чибисова им стал генерал-лейтенант Софронов, являвшийся до этого заместителем командующего войсками Прибалтийского округа. Как рассказывал позднее сам Софронов, перед его отъездом на Южный фронт, в Москве начальник Генерального штаба Жуков изложил ему свой так и не реализованный план развернуть из Приморской группы войск сильную армию в составе 5–6 дивизий, правда, тут же предупредив, что воевать, возможно, придется в тылу врага. Но главной задачей Жуков по-прежнему продолжал считать удержание плацдарма, с которого не сегодня завтра можно будет перейти в наступление. Членами Военного совета были утверждены дивизионный комиссар Воронин, бывший начальником политуправления фронта, и бригадный комиссар Кузнецов, в прошлом секретарь Измаильского обкома партии. Политотдел возглавил полковой комиссар Бочаров из

⁶ ЦАМО РФ, ф. 48а, оп. 3408, д. 4, л. 22, 23.

⁷ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 3, л. 20.

фронтового политуправления. Начинжем стал служивший ранее в 9-й армии полковник Кед-ринский.

За Днестром (25 июля – 3 августа)

К исходу 25 июля главные силы Приморской армии вышли на восточный берег Днестра и заняли оборону от Тирасполя до устья Днестровского лимана. Тираспольский укрепрайон явился серьезной преградой для противника. Он имел около 300 различных инженерных сооружений, гарнизон его практически достигал штатной численности, в пульбатах насчитывалось от 1600 до 1840 человек. УР имел 321 ручной и 610 станковых пулеметов, 47 капонирных орудий.

Опора на Тираспольский УР позволила почти на 12 дней стабилизировать фронт армии. Имея большое количество пулеметных ДОТов, укрепрайон значительное время не только не позволял противнику переправиться через Днестр, но сильно затруднял проникновение на восточный берег даже разведки.

Относительно прочное положение Приморской армии, занятое ею на Днестре, стало причиной изъятия у нее 51-й СД. Рубеж выведенной в резерв командующего фронтом дивизии должна была занять двумя полками последняя оставшаяся в составе армии дивизия – 25-я. Правда, взамен выведенной в состав армии передавалась из 9-й армии 95-я стрелковая дивизия... но со своей полосой обороны. А участок обороны дивизия занимала от Тирасполя до Григориополя, что составляло больше 40 км.

Впрочем, дивизия в армию большей частью вообще не поступила, так как 2 из 3-х ее полков и большая часть артиллерии были включены в ударную группу, спешно сколоченную для ликвидации прорыва противника у Дубоссар.

Ситуация начинала постепенно сползать к очередной катастрофе. Удерживание фактически одной дивизией, пусть и опирающейся на сильный укрепрайон и пользующейся поддержкой Черноморского флота и Дунайской флотилии, 160-километровой полосы фронта, за которой находились Одесса и Николаев, являлось авантюрой.

Поэтому командовавший армией генерал-лейтенант Софронов немедленно обратился к командующему фронтом, прося либо усилить армию двумя дивизиями, либо хотя бы снять с нее ответственность за Николаевское направление, изменив разграничительную линию с 9-й армией. Но генерал армии Тюленев в обеих просьбах отказал, сообщив, что ни одной дивизии передать сейчас не может и что Николаевское направление по-прежнему остается за Приморской армией.

Начальник штаба армии генерал-майор Шишенин, проанализировав сложившуюся ситуацию, пришел к выводу, что главную угрозу для армии представляет Дубоссарский плацдарм, который так и не удалось ликвидировать. Ударив с него встык с 9-й армией, противник мог не только прорвать фронт, но и обойти весь правый фланг Приморской армии. Поэтому начальник штаба предложил немедленно подкрепить правый фланг всеми имеющимися силами. Прежде всего он предложил направить туда 1-ю кавалерийскую дивизию, составляющую резерв армии, а также один из полков 25-й Чапаевской СД. Помимо этого Шишенин предложил выдвинуть на угрожаемое направление пограничников, истребительные батальоны из Одессы, а также все части, которые удастся сформировать из состава Одесской военно-морской базы и населения города.

Командующий армией проникся опасениями своего начальника штаба и в дополнение к предложенным мерам распорядился также подготовить к выдвигению и 2-й полк 25-й дивизии.

В результате для укрепления стыка с 9-й армией по инициативе командования армии были приняты меры, которые через несколько дней были «узаконены» специальной директивой Ставки для командующих войсками фронтов и направлений.

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВК

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ НАПРАВЛЕНИЙ,

КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ ФРОНТОВ

ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ СТЫКОВ ЧАСТЕЙ, СОЕДИНЕНИЙ

И ОБЪЕДИНЕНИЙ

5 августа 1941 г.

Опыт многочисленных боев показал, что прорыв оборонительного фронта наших частей почти всегда начинался на слабозащищенных, а часто и совершенно не обеспеченных стыках частей, соединений, армий и фронтов.

Командующие и командиры соединений (частей) забыли, что стыки всегда были и есть наиболее уязвимым местом в боевых порядках войск.

Противник без особых усилий и часто незначительными силами прорывал стык наших частей, создавал фланги в боевых порядках обороны, вводил в прорыв танки и мотопехоту и подвергал угрозе окружения части боевого порядка наших войск, ставя их в тяжелое положение.

Ставка приказала:

Возложить полную ответственность за стыки частей на командиров соединений, которым они непосредственно подчинены.

Вести непрерывную и особенно тщательную разведку на стыках частей (соединений).

Создавать на стыках частей и соединений устойчивую, глубокую оборону с широким применением противотанковых и противопехотных заграждений.

Создавать на стыках полосу сплошного огневого заграждения путем организации перекрестного пулеметного, минометного и артиллерийского огня частей, действующих на фронте и расположенных в глубине.

Располагать за стыками резервы и их контратаками уничтожать прорвавшегося противника.

Держать стыки боевых порядков войск под постоянным и личным контролем старших начальников.

Ставка требует от командиров всех степеней исключительного внимания к стыкам, их прочного обеспечения и величайшего упорства в борьбе за них.

По поручению Ставки Верховного Командования
Б. ШАПОШНИКОВ⁸

Но несколько позже, посоветовавшись с членом Военного совета дивизионным комиссаром Ворониным и с находившимся в Одессе бывшим командующим Приморской армии Чибисовым, Софронов принял решение, которого начальник штаба от него никак не ожидал: начать свертывание Тираспольского укрепленного района. Для начала решено было полностью разоружить доты южной части укрепрайона. Доты северной части должны были разоружить только частично: в находящихся в глубине обороны оставлялось по одному пулемету, а в расположенных непосредственно на берегу оставлялось полное вооружение.

Такое решение, конечно, было во многом спорным и рискованным при любом варианте развития ситуации. В случае обхода укрепрайона существовал риск не успеть снять и вывезти вооружение из более чем 200 дотов. И в случае оголения УРа румыны могли без особых проблем форсировать Днестр и создать еще один плацдарм наподобие Дубоссарского. На какой из этих вариантов у противника ушло бы больше времени, понять было сложно.

Но в любом случае силы, высвобожденные за счет свертывания УРа, были использованы не самым лучшим образом: вместо создания единого и хорошо вооруженного резерва армии, которым можно было бы надежно прикрыть любое угрожаемое направление, произошло очередное распыление сил и средств.

Снятые пулеметы пошли на усиление 25-й и 1-й кавалерийских дивизий и частично в резерв командующего армией для довооружения вновь создаваемых частей.

Аналогичная судьба постигла и личный состав укрепрайона. Вместо нескольких пулеметных батальонов в конечном итоге был создан лишь небольшой подвижный резерв на случай, если румыны на каком-либо участке начнут форсировать реку.

В помощь Приморской армии в Одесской военно-морской базе срочно комплектовались 2 морских полка. Впрочем, полками они являлись больше по названию и трехбатальонному составу, а по численности были ближе к батальонам: в одном набралось 1300 бойцов, в другом – около 700. Больше пока взять было неоткуда. Одесская военно-морская база, ставшая приобретать самостоятельное значение только в последние предвоенные годы, по численности была значительно скромнее Севастопольской. И кораблей в ней постоянно находилось тоже немного: два эсминца, дивизион канонерских лодок, тральщики, сторожевые и торпедные катера, а также основательно устаревший крейсер «Коминтерн». Поэтому в состав полков зачислили и школу младших командиров, и различные береговые команды, и всех, без кого можно было обойтись на кораблях, батареях и постах связи.

Но вооружить и такие полки оказалось не так просто – винтовки для них собирались по всем подразделениям базы. С остальным снаряжением и вооружением дела обстояли ничуть не лучше, что, впрочем, было в то время типично для всех флотов и баз. Даже в Севастополе, главной базе Черноморского флота, современного автоматического оружия хватило только для вооружения одной бригады.

Поэтому моряков решено было довооружить самодельными, так называемыми «одесскими гранатами». Вместо тротила в них заливалась селитра, перемешанная с древесными опилками. Корпусами подобных гранат часто служили просто консервные банки с припаянными рукоятками. Из-за дефицита металла и отливочных форм в качестве рубашек для таких гранат использовалась 3-мм проволока. Из-за нехватки гранат моряки и получили бутылки с горючей смесью, массовое изготовление которых было тут же налажено кустарным способом.

Но первая партия выпущенных бутылок с горючей смесью оказалась с серьезными дефектами. Для того чтобы быстрее вооружить 1-й морской полк, передаваемые ему бутылки

⁸ ЦАМО РФ, ф. 96а, оп. 1711, д. 2, л. 6, 7.

первоначально не имели запальных пробирок с детонирующим составом. Вместо него использовалась вставляемая в горлышко бутылки пакля, смоченная бензином. В результате использования подобных бутылок в полку даже во время тренировок бывали случаи, когда от таких бутылок загоралась не цель, а пытавшиеся метнуть в нее бутылку моряки.

В результате, после вмешательства ВС ЧФ, обком партии принял решение о расконсервации стекольного завода и выпуске на нем 20 тыс. бутылок с запальными пробирками. Предприимчивые политработники не упустили случая козырнуть достигнутым успехом, и на обертках запалов появились надписи: «Товарищ! Запал и бутылка с горючим подготовлены в Одессе. Подожги танк, рвущийся в наш родной город!»

Ни саперных лопаток, ни тем более средств связи первые морские полки не получили. Не имели они и какой бы то ни было артиллерии. Поэтому поступивший в распоряжение армии наиболее многочисленный 1-й полк было решено использовать в качестве резерва для правого фланга армии. А 2-й и вовсе оставить для прикрытия порта.

Еще один полк удалось сформировать на базе подразделений НКВД. Основой для него послужил 26-й погранотряд. Вот тут вопросов с вооружением не возникло, так как органы НКВД проблем с оружием практически не имели.

Также резервом считались отряды народного ополчения и истребительные батальоны. Численность народного ополчения в Одессе постоянно колебалась, так как его отряды формировались по образцу истребительных батальонов, т. е. по иррегулярному принципу. Его бойцы проходили ежедневно 2–3 часа военной подготовки, а затем возвращались к своим обычным обязанностям. Часть из них эвакуировалась вместе с предприятиями или привлекалась к оборонительным работам.

Сами истребительные батальоны, которые по одному формировали все 7 районов Одессы (и еще один был создан из железнодорожников) были величиной более постоянной, так как в них всегда поддерживалась определенная численность. Но бойцы этих батальонов получали только самые элементарные навыки обращения с винтовкой или пулеметом и гранатами. Они не имели никакого снаряжения и должны были являться на сборные пункты по сигналу тревоги. К тому же часть их состава представляли женщины. Реальная боеспособность таких «частей» также была крайне низкой, но тем не менее и они фигурировали в оборонительных планах Приморской армии как резерв на случай вражеских прорывов.

Как адмирал начальником гарнизона стал (27 июля – 5 августа)

27 июля командир Одесской военно-морской базы контр-адмирал Жуков получил телеграмму командующего Черноморским флотом Октябрьского:

«Жукову. Специально предупреждаю Вас. Независимо от положения на сухопутном фронте, вы не должны отходить. Драться за базу до конца. Понимайте это как боевой приказ: победить или умереть, но никакого отхода. Вам отход запрещен. База и корабли флота будут драться до конца. Никакой эвакуации. Приступить к тренировке батарей и кораблей в стрельбе по суше. Привлекайте к строгой ответственности тех, кто собирается сдавать базу... Моряки никогда не отступали, если приказ не отходить».

Сам Октябрьский имел к этой телеграмме довольно опосредованное отношение. Военный совет Черноморского флота накануне получил от наркома военно-морского флота Кузнецова директиву № 378/ш «Об укреплении сухопутной обороны Одессы» аналогичного содержания и телеграмму с приказанием предупредить командира Одесской базы контр-адмирала Жукова, что, независимо от положения на фронте, за Одессу следует драться до последней возможности (одновременно было приказано готовить береговые батареи к стрельбе по сухопутному противнику) и теперь, в свою очередь, доводит их содержание до командования базы.

Телеграмма произвела на командующего базой сильное впечатление. Передавая ее для ознакомления своему начальнику штаба, капитану 1-го ранга Иванову, он сказал:

«Пока не представляю, как одними моряками удержать Одессу. Неделя боев на ближних подступах и на баррикадах – и все будет кончено. Но коль есть прямой приказ, будем биться до последнего.»

Присутствовавший при разговоре заместитель начальника штаба капитан 3-го ранга Деревянко, воспользовавшись, как он вспоминал впоследствии, «правом младшего первым излагать свое мнение», заметил Жукову, что «из телеграммы не вытекает, что на моряков возлагается ответственность за Одессу. Только за базу. И не исключается возможность поворота всей Приморской армии к Одессе, на юго-восток».

Начальник штаба обобщил мысль своего подчиненного более осторожно: «Комфлота поставил нам задачу удерживать базу. Позвольте в рамках этой задачи подготовить вам предложения штаба».

Жуков не возражал, однако смотрел на ситуацию несколько шире своих штабистов:

«Может произойти непредвиденное, и тогда, начав борьбу за базу, мы втянемся в борьбу за город. Комфлота не уверен, что армия отойдет к Одессе. Надо быть готовыми и к худшему. Готовьте предложения по двум вариантам – самостоятельно и совместно с армией».

В результате было решено: кроме разработки двух вариантов плана обороны ВМБ отправить Деревянко в штаб Приморской армии для уточнения обстановки на месте.

Обстановка оказалась тревожной. Части 11-й немецкой и 4-й румынской армий захватили на стыке 9-й и Приморской армий плацдарм у Дубоссар глубиной 5 и шириной по фронту 8 км. Командование Приморской армии настойчиво интересовалось, чем может помочь Одесская военно-морская база стабилизации положения на Днестре.

Первый разговор об этом состоялся у Деревянко с полковником Крыловым, занимавшим в то время должность заместителя начальника оперативного отдела штаба Приморской армии. «Наша 95-я дивизия ведет бои на южном фланге плацдарма. Для ее усиления направляем части. Чем ей может помочь база?» – поинтересовался у Деревянко начальник оперативного отдела и услышал в ответ: «База своей авиацией уже неделю помогает Приморской. Жуков сегодня подтвердил решение поддержать авиацией войска на Днестре. Днем две эскад-

рильи бомбардировщиков СБ могут сделать три боевых вылета, а ночью две эскадрильи гидросамолетов МБР-2 – один вылет».

Про помощь, которую база может оказать Приморской армии, Деревянко пришлось доложить и начальнику штаба армии генерал-майору Шишенину. Ничего утешительного для командования базы Деревянко в штабе армии, конечно, не услышал, о чем и сообщил командиру базы на совещании командиров и комиссаров частей и соединений базы, проведенном вечером этого же дня. Жуков приказал повесить карту и доложить обстановку всем собравшимся.

После доклада Жуков зачитал телеграмму командующего флотом и приказал готовиться к боям на суше.

Из личного состава базы было решено сформировать сводный сухопутный отряд моряков под командованием майора Морозова. Этот отряд, просуществовавший меньше недели, по сути явился первым подразделением морской пехоты Черноморского флота. В дальнейшем этот отряд влился в формируемые в базе два морских полка, а его командир Морозов был назначен командиром первого из них.

Строительство оборонительных рубежей продолжалось все более убыстряемыми темпами, но при этом вопрос, займет ли их Приморская армия, так и оставался нерешенным.

1 августа командующий Приморской армией генерал-лейтенант Софронов неожиданно назначил командующего военно-морской базой Жукова начальником гарнизона Одессы. В штабе Одесской военно-морской базы такое назначение не вызвало никакого энтузиазма, а напротив, явилось для ее командования еще одним подтверждением того, что Приморская армия скорей всего будет отведена от города и оборонять Одессу придется силами самой базы. Военный совет Черноморского флота смотрел на ситуацию несколько иначе. В полученной от него телеграмме возложение ответственности за оборону города на командование базы считали оправданным и закономерным:

«Жукову. В связи с положением на фронте возможен выход Приморской армии из Одессы. В этом случае руководство обороной Одессы в целом остается за вами. Очевидно, командарм исходил из этих соображений, назначив вас начальником гарнизона. Надо принять это назначение.

Октябрьский. Кулаков».

В связи с таким развитием событий командование базы стало предпринимать дополнительные усилия по укреплению обороны города.

Сводный сухопутный отряд было решено развернуть в полк. Береговые инженеры базы Павлов, Цигуров, Каменецкий, Лепехин и Еремин составили схему размещения баррикад в городе и стали готовиться к их строительству. Были взяты на учет все воинские подразделения, расположенные в городе, и стал готовиться план обороны города *«на ближайших рубежах»* с учетом имеющихся сил. В штабе базы готовили сухопутные карты, планшеты и таблицы для ведения огня.

Также было решено укрепить подходы к береговым батареям, установив проволочные заграждения и минные поля.

Оборона города силами базы предполагала активное использование береговых батарей, но при этом наличных сил могло не хватить даже для их удержания. В связи с этим Жуков запросил командование флота: если придется при отходе подрывать батареи, следует ли подрывать и бетонные блоки, имея в виду восстановление батарей в будущем?

Октябрьский, не рискнув принять решения по вопросу, в котором любое неверное указание могло быть истолковано как вредительство, запросил главморштаб, который доложил о запросе Кузнецову. Слово «отход» в те дни действовало на Кузнецова, как красная тряпка на быка, и воспринималось совершенно однозначно.

Командование Черноморским флотом получило 4 августа директиву № 3/294 о задачах флота при обороне Одессы и телеграмму, поясняющую ее содержание. В телеграмме, общий смысл которой сводился к установке «Стоять насмерть!», настолько категорично подчеркивалось, что пока батареи не будут разрушены противником, ни о каком их оставлении не может идти речь, что Октябрьский на этот раз не стал ее дублировать, а просто переслал в Одессу.

Но такое положение продержалось недолго. Уже на следующий день в штаб базы пришла очередная телеграмма Октябрьского, в которой он по указанию наркома приказывал Жукову *«для выполнения задач по обороне Одессы иметь тесную связь с сухопутным командованием по вопросам артподдержки наших войск кораблями и береговыми батареями; войска необходимо поддерживать до последнего снаряда; в случае окружения Одессы нашим войскам будет организована поддержка огнем флота и организовано их питание морем; если наших войск под Одессой не окажется, Одесской базе противостоять врагу самостоятельно. Для обороны Одессы будут назначаться корабли флота до крейсеров включительно»*.

Вопрос о возможности использования кораблей Черноморского флота для обороны города был по существу решен Кузнецовым еще 3 августа изданием директивы № 402ш «О возможности использования кораблей ЧФ в обороне Одессы», но командующий Черноморским флотом несколько промедлил с принятием решения по этому вопросу, очевидно, ожидая дальнейшего развития событий.

Но вопрос о том, кто все-таки будет оборонять Одессу, так и не был решен окончательно. Поэтому решение о подготовке базы к защите города по двум вариантам по-прежнему оставалось в силе. В базе формировались уже не один, а два морских полка, в которые, кроме добровольцев с кораблей, батарей и учреждений базы, была включена и часть личного состава штаба, политотдела, тыла и служб базы.

Вооружить такое количество бойцов базы, не имевшей собственных запасов стрелкового оружия, было сложно. Подавляющее число винтовок было взято с кораблей и служб базы и некоторая часть – с батарей. В штабе базы для его охраны было оставлено всего 7 винтовок. Личное оружие офицеров штаба базы было передано офицерам 1-го морского полка, многие из которых были назначены с учебных и тыловых должностей и вообще не были вооружены. Но всего собранного в базе оружия хватило только на то, чтобы вооружить 1-й морской полк. Для вооружения 2-го полка оружия не нашлось ни в Одесской военно-морской базе, ни в Приморской армии, и его пришлось запрашивать у командующего флотом. Ни о каком тяжелом вооружении и средствах усиления речь, конечно, идти не могла. В этом отношении полкам и батальонам морской пехоты, формировавшимся позже в Севастополе и Новороссийске, повезло значительно больше.

Вопрос же об участии в обороне армии продолжал решаться. И чаша весов, в зависимости от развития обстановки, колебалась то в ту, то в другую сторону.

Ухудшение обстановки на Южном направлении сильно изменило имеющиеся планы ведения боевых действий на всех уровнях. Приморская армия не являлась тут каким-либо исключением. Линия обороны армий Южного фронта постепенно смещалась под натиском противника. Николаев оказался в полосе обороны 9-й армии, а Одесса, в полосе обороны Приморской.

Первоначально командующий Приморской армией генерал-лейтенант Софронов готовился защищать Николаев и уже предполагал перевести свой КП из Одессы в село Нечаянное, находящееся на дороге в Николаев.

Сдавать Одессу без боя, конечно, никто не собирался, о чем совершенно ясно говорили директивы и телеграммы Кузнецова, но какими силами будет осуществляться ее оборона, по-прежнему было неясно.

Однако вскоре возникло решение использовать Одессу для отвлечения на нее значительных сил врага. Кто является окончательным автором такого решения, точно не известно. Впер-

вые оно упомянуто в донесении главнокомандующего Юго-Западным направлением маршала Буденного Ставке от 4 августа.

Москва Совершенно секретно

Ставка Верховного Командования

т. Сталину

ПОЛТАВА № 044/ОП 4.8.41 16.15.

Карта 500 000

Обстановка на Южном фронте продолжает развиваться для нас крайне неблагоприятно. Помимо окружения 6 и 12 армий, противнику удалось нарушить устойчивость 18 армии, части которой отходят на юг и тем резко расширяют разрыв с окруженными 6 и 12 армиями. В итоге этого группа противника, прорвавшаяся через Звенигородку, соединилась с войсками, наступающими с запада.

Таким образом, над правым флангом и тылом Южного фронта с севера нависает противник на фронте протяжением 110–120 км от Кировограда до Первомайска включительно. Чтобы парировать угрозу охвата и окружения, нужны подвижные резервы, которых нет. Вновь формируемые дивизии еще не готовы и значительно удалены от решающего района событий.

Единственной силой, которая ведет борьбу с обходящим противником и задерживает его продвижение, является авиация. Однако ее также недостаточно. Выделенные Ставкой на усиление три авиаполка еще не прибыли. К тому же дождливая погода с 1 августа крайне ограничила действия авиации.

Намеченные мною два контрудара, один из района Киев, второй из района Канев, по условиям сосредоточения могут быть одновременно начаты не ранее 10–12 августа. Поскольку обстановка для Южного фронта быстро осложняется, я решил ускорить на 2–3 дня начало контрнаступления из района Канев. Для этого командующему Юго-Западным фронтом приказал в районе Канев сосредоточить 264, 289, 301 сд, 5 кав. корпус, усиленный 34 кав. дивизией, и вновь формируемую одну танковую дивизию. Начало действий намечаю на 6–7 августа.

Учитывая заметное усиление противника на каневском направлении и недостаточную боевую сколоченность вновь сформированных дивизий, предполагаю, что этот удар может в некоторой мере только временно отвлечь противника с южного направления. В отношении нанесения контрудара из района Киев положение также осложняется тем, что противник с утра 4 августа перешел к активным действиям против Киевского УР.

В подобной обстановке, считаю, является своевременным решить вопрос, во-первых, о дальнейшей задаче Южного фронта и, во-вторых, об организации обороны по реке Днепр.

Лично я считаю, является совершенно назревшим разрешить Южному фронту начать отход на рубеж Знаменка – река Ингул – Николаев, поручив оборону Одессы Приморской армии.

По вопросу об организации обороны Днепра дело обстоит так: участок Киев – Черкассы является сравнительно обеспеченным; участок от Черкассы вниз по течению сейчас почти открыт.

Считаю необходимым, не ожидая полного окончания формирования новых дивизий, выдвигать их на левый берег реки Днепр. Конкретно прошу утвердить выдвигание: 297 сд из Лубны – на участок исключительно Черкассы – Градижск, 300 сд из Краснограда – на участок Кременчуг – Кишеньки, 275 сд из Ново-Московск – на участок Кишеньки – исключительно Днепропетровск, поскольку 273 сд, формируемая в Днепродзержинске, еще не имеет даже срока готовности. 230 сд поручить оборону Днепропетровска, 255 сд из Павлограда выдвинуть на участок исключительно Днепропетровск – исключительно Запорожье, 274 сд поручить оборону Запорожья, 296 сд из Генчиск выдвинуть в Никополь, поскольку формируемая там 253 сд еще не имеет срока готовности.

Участок Никополь – Херсон протяжением в 180 км прикрыть нечем, кроме как выдвиганием сюда 9 стр. корпуса из Крыма. Остальные вновь формируемые дивизии по мере их готовности будут сосредотачиваться на наиболее угрожаемые направления. Одну из них, 284 сд, из Ромны направить Юго-Западному фронту.

Прошу Ставку Верховного Командования:

- 1) Утвердить настоящие соображения.*
- 2) Для обеспечения отхода войск Южного фронта выделить дополнительно два истребительных авиаполка.*
- 3) Дать указание Черноморскому флоту организовать и прикрыть коммуникации Южного фронта и Приморской армии по морю.*
- 4) Для обеспечения контрудара из района Канев выделить три танковые роты Т-34, из расчета по одной на стрелковую дивизию.*
- 5) Приказать ГАУ нарядить негодное для армии оружие для вооружения народного ополчения на Украине.*

*С. Буденный
Покровский⁹*

Одновременно Буденным и его начальником штаба генерал-майором Покровским был предложен в общих чертах и план обороны Одессы.

Замысел Буденного и Покровского состоял в том, чтобы путем удержания Одессы приковать к ней как можно больше вражеских войск, облегчив тем самым положение войск Южного фронта.

Предложение Буденного об организации обороны Одессы силами Приморской армии вызвало в Ставке большой интерес.

Вечером 4 августа начались телеграфные переговоры между заместителем начальника Генерального штаба генерал-майором Василевским и начальником штаба Юго-Западного направления генерал-майором Покровским:

В: Для доклада Ставке доложите соображения Главкома ЮЗН по обороне Одессы Приморской армией в соответствии с представленным вами планом.

П: По плану обороны удержание Одессы имеет большое политическое и оперативное значение. Противник будет постоянно связан на фланге. Оборона Одессы мыслится в условиях господства нашего флота на Черном море.

Буденный и Покровский рассчитывали на то, что большое количество водных преград позволит оборонять город сравнительно небольшими силами:

⁹ ЦАМО РФ, Ф. 251, оп. 4063, д. 22, л. 112–115.

«Наземная оборона Одессы облегчается наличием на флангах значительных водных рубежей в виде Днестровского лимана на западе и Куяльницкого, Хаджибейского лиманов на северо-востоке и востоке. Для этого состав Примармии на первое время можно определить в три стрелковых дивизии и народного ополчения. Для прикрытия с воздуха добавить все средства ПВО, которые там есть сейчас, и добавить полк истребительной авиации».¹⁰

Телеграфные переговоры о различных способах удержания Одессы продолжались до утра. А в 18 ч. 10 мин. 5 августа Ставка сообщила своей директивой, направленной главнокомандующему Юго-Западного направления Буденному, командующему Южным фронтом Тюленеву и командующему ЧФ Октябрьскому о том, что предложение отвести войска фронта на линию реки Ингул отклонено, а Одессу надлежит оборонять до последней возможности.

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВК № 00729

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ

ЮГО-ЗАПАДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ,

КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ЮЖНОГО ФРОНТА

О ПОРЯДКЕ ОТВОДА ВОЙСК

Копии: командующему войсками Юго-Западного фронта, командующему Черноморским флотом

5 августа 1941 г. 18 ч 10 мин

С предложением маршала Буденного о рубеже отвода войск Южного фронта за линию реки Ингул Ставка никак не может согласиться. Ставка приказывает:

При отводе войск Южного фронта занять линию восточный берег Днестровского лимана до Беляевки, от Беляевки на Ротмистровку, Березовку, Вознесенск и далее на Кировоград, Чигирин.

Отвод производить в ночное время и этапами, прикрывая сильными аррьергардными боями, и закончить его не позже 10 августа.

Одессу не сдавать и оборонять до последней возможности, привлекая к делу Черноморский флот.

Ставка разъясняет, что линию отвода, только что указанную Ставкой, никак нельзя смешивать с оборонительной линией, о которой вчера тов. Сталин говорил с тт. Кирпоносом и Хрущевым [1], имея в виду, что линия отвода должна быть западнее оборонительной линии, а последняя должна отстоять от первой в тылу километров на 100–150.

Ставка Верховного Командования:

¹⁰ ЦАМО РФ, ф.251, оп. 646, д. 4, л.121.

*СТАЛИН
ШАПОШНИКОВ¹¹*

Впрочем, в Одессе о принятых решениях еще не знали, и руководящими документами для командования Одесской ВМБ пока являлись телеграммы командующего ЧФ и распоряжения ВС ЧФ, отдаваемые на основании директив наркома ВМФ Кузнецова.

¹¹ ЦАМО РФ, 148а, оп. 3763, д. 96, л. 14.

Зенитная война

После отхода Приморской армии за Днестр в боевых действиях возникла относительная пауза, во время которой немецкая авиация с 22 июля начала активные налеты на Одессу. Налеты часто повторялись по несколько раз в сутки, и с их отражением неожиданно возникли определенные трудности, несмотря на то что Одесса имела достаточно сильную по стандартам того времени противовоздушную оборону.

Город и наиболее важные объекты в его окрестностях прикрывала 15-я отдельная зенитно-артиллерийская бригада ПВО полковника Шиленкова. Непосредственно город с северного, западного и южного направлений прикрывал 638-й зенитно-артиллерийский полк, имевший пять дивизионов трехбатарейного состава с 85-мм зенитными пушками и ПУАЗО-3. 73-й зенитно-артиллерийский полк Черноморского флота прикрывал военно-морскую базу, а также город с восточного направления.

Достаточное внимание уделялось и прикрытию особо важных объектов. 27-й дивизион МЗА прикрывал водонасосную станцию в Беляевке, крекинг-завод и нефтебазу. 162-й отдельный зенитный пулеметный батальон совместно с пулеметным батальоном 73-го зенитного артполка был поставлен на оборону штаба Одесского военного округа, вокзала и станций Застава, Товарная и Сортировочная.

6-й отдельный дивизион аэростатов заграждения в ночное время прикрывал город одним отрядом с северного направления, вторым – с южного, а третьим – важнейшие объекты внутри города. 21-й отдельный прожекторный батальон совместно с прожекторной ротой 73-го зенитного артполка создавали световое обеспечение на восточном, юго-восточном и юго-западном направлениях.

Однако в системе ПВО имелись и слабые места. Ни 15-я бригада, ни флотский артполк не имели системы оповещения о приближении авиации противника со стороны моря. Практичные немцы выявили эту особенность Одесской ПВО еще в первые дни войны, прощупывая оборону города налетами мелких¹² групп бомбардировщиков. После чего начались налеты на военно-морскую базу крупными группами – до 30 машин.

Налеты немцы проводили в сумерках или на рассвете, подходя в основном со стороны моря. В это время суток воздушные цели в оптические приборы на значительном расстоянии практически не видны, а освещение прожекторами дает слабый эффект.

В результате командование ВМБ было вынуждено выделить 5 старых катеров для несения «противовоздушного дозора». Все катера получили радиостанции и в основном для экономии топлива дрейфовали в выделенных участках примерно в 20 милях от берега. Специфика защиты флотских объектов, расположенных либо у причалов, либо близко к урезу воды, потребовала выдвинуть наиболее дальнобойные 85-мм орудия к берегу моря.

После этого у немцев пропала страсть к морским прогулкам и они изменили тактику. Теперь немцы стали чаще появляться со стороны суши, причем с тех участков, где фронт ближе всего подходил к городу, зная, что система расположения дальних постов ВНОС ограничивается линией фронта. Постепенно приближение линии фронта к городу позволило им сокращать подлетное время, маневрировать имеющимися силами и добиваться эффекта внезапности.

Так, 5 июля три Ю-88, маскируясь облачностью, совершили налет на водонасосную станцию в районе Беляевки, а через несколько минут повторили налет уже 8 машинами, применив «звездную» атаку с разных сторон.

¹² 3–6 машин.

Истребительное прикрытие Одессы было значительно слабее. 69-й истребительный полк ВВС майора Шестакова и три эскадрильи истребительной авиации Черноморского флота прикрывали рубеж Выгода – Беляевка – Маяки – Френцфельд – «и в сторону моря до 25 км».

При этом управление такими скудными силами осуществляли сразу два авиационных штаба: штаб начальника ВВС армии и штаб 21-й смешанной авиадивизии, у которой из полосы Приморской армии был изъят весь летный состав, кроме 69-го полка. Как вспоминал начальник штаба Приморской армии Крылов: *«Когда я входил в курс дел Приморской армии, создавалось, помню, ощущение, что тут больше авиационных начальников, чем самой авиации»*. Впрочем, начальнику автобронетанкового отдела армии распоряжаться и вовсе было нечем...

22 июля противник начал активно бомбить порт. Первый массированный налет удалось отразить совместными усилиями 15-й бригады ПВО, морского зенитного полка и истребителей 69-го полка. Однако во время второго авианалета, последовавшего ближе к вечеру, командование военно-морской базы приняло решение вывести военный транспорт «Аджария» из гавани на внешний рейд. На рассвете при очередном налете авиации противника транспорт получил тяжелые повреждения от попавшей в него бомбы и загорелся. В результате повторной атаки транспорт пытавшийся сесть на мель в районе Новой Дофиновки, был добит авиацией противника.

Помимо Одесского порта, водонапорной станции, нефтебазы, штабов и других объектов города немцы часто атаковали и переправы, особенно Каролина-Бугаз, которую пытались разбомбить в течение 5 дней. Истребители участвовали в обороне города в основном при отражении крупных налетов¹³, так как довольно часто привлекались к штурмовкам войск противника из-за нехватки бомбардировочной авиации. Применение 69-го истребительного авиаполка в оборонительных целях затрудняло и то, что 2 и 3-я эскадрильи полка в течение месяца базировались на аэродромах подскока на правом берегу Днестра, откуда занимались штурмовкой противника, защищая не столько Одессу, сколько Прут.

При налетах на город бомбардировщики противника обычно имели сильное воздушное прикрытие. Истребители И-16, которыми в основном был вооружен полк, вынуждены были искать новые тактические приемы, позволяющие компенсировать превосходство противовтоящих им «мессершмитов» в вертикальном маневре и скорости.

Один из таких приемов ввел командир 95-го ИАП Шестаков, по инициативе которого стало применяться ярусное расположение групп истребителей, названное «Шестаковской этажеркой», ставшее одним из предшественников такого, получившего позднее широкую известность, построения истребительных пар, как «Кубанская этажерка» Покрышкина.

¹³ Таких, как налеты 22 июля.

Отход. (4–7 августа)

4 августа прервалась проводная связь Приморской армии со штабом Южного фронта. Так Приморская армия первый раз ощутила на себе последствия окружения 6-й и 12-й армий под Уманью и начавшегося продвижения моторизованных частей немцев от Первомайска на Вознесенск.

Штаб Южного фронта в спешном порядке оставил Вознесенск и перебазировался в Николаев. В течение 4 и 5 августа главком Юго-Западного направления согласовывал со Ставкой меры, которые следует принять в создавшемся положении. Впрочем, сами меры сомнения ни у кого не вызывали, было ясно, что Южному фронту неизбежно придется отходить. Определялись только масштабы этого отхода.

В результате 5 августа новые рубежи для Южного фронта были назначены директивой Ставки № 00729:

«...4. При отводе войск Южного фронта занять линию восточный берег Днестровского лимана до Беляевки, от Беляевки на Ротмистровку, Березовку, Вознесенск и далее на Кировоград, Чигирин...»

6 августа, в соответствии с этой директивой, войска Приморской армии получили приказ отходить на рубеж Березовка – Катаржино – Раздельную – Кучурганский лиман. Таким образом правый фланг армии оттягивался от Днестра, разворачиваясь к северу, а левый по-прежнему оставался у Днестровского лимана. Главком Юго-Западного направления маршал Буденный передал в состав Приморской армии 30-ю стрелковую дивизию. Обрадованное командование Приморской армии тут же нарезало ей полосу обороны, но занять ее дивизия не успела.

В связи с поставленной Ставкой задачей штаб армии перебазировался в Одессу, где, сообразуясь с приказом Главкома и выделенными силами, генерал-лейтенант Софронов отдал армии приказ занять оборону на следующих рубежах:

30-й стрелковой дивизии, передаваемой из 9-й армии, – по линии Березовка – Демидовка – Анатольевка – Силовка;

95-й стрелковой дивизии – по линии Жеребково – Катаржино – Кошары – Раздельная;

31-му и 287-му полкам 25-й стрелковой дивизии – по линии Раздельная – Мирлоубовка – Баден – Граденицы – Маяки – Каролина-Бугаз.

1-я кавалерийская дивизия и 54-й полк 25-й стрелковой дивизии отводились в резерв армии.

Смысл такой конфигурации обороны был тот же что, и на Днестре: наибольшее внимание уделялось угрожаемому правому флангу, и на случай его прорыва или обхода выделялся подвижный резерв, который теперь планировался настолько значительным, что уже приобрел оперативно-тактическое значение.

Однако план Софронова имел одно очень уязвимое место: части должны были занять позиции на законченном не больше чем наполовину оборонительном рубеже в открытой степи, причем сил для удержания такого рубежа было совершенно не достаточно. По сути, положение армии после такого отхода ухудшалось по сравнению с тем, что она занимала на Днестре.

Но отойти на новый рубеж части армии так и не успели. 8 августа немцы предприняли новое наступление на войска Южного фронта, причем не с северного направления – от Вознесенска, а с западного. Так долго ожидаемый начальником штаба Шишениным удар встык с

9-й армией, вызывавший наибольшие опасения у командования Приморской армии, наконец был нанесен.

И попала под этот удар вместе с 51-й дивизией 9-й армии и 30-я стрелковая дивизия. Прорыв трех немецких дивизий под Жовтенем рассек ее на 2 части, причем большая из них оказалась на стороне 9-й армии. Связь с дивизией была потеряна. Из трех посланных штабом армии делегатов связи двое вернулись обратно, не сумев пройти через немецкие порядки, третий пропал без вести.

В последнем донесении, полученном от командира 30-й СД вечером 9 августа сообщалось о быстром продвижении противника:

*«Силовка утром занята противником, наши части занять не успели. Лубетаевка занята в 12.00. Мелкие группы пр-ка проникли из Демидовка на юг в направлении уч. Хоз. Красный Агроном, противник имеет танки. Связи с соседями не имею. Прошу поддержать меня действиями из района Петровское и жду срочных указаний о дальнейшем».*¹⁴

Правда, через немцев с группой бойцов до штаба армии смог пробиться комиссар 30-й дивизии Дибров. Софронов, видимо, еще не успевший полностью оценить масштабов происходящего, тут же поставил дивизии новую задачу и показал Диброву на карте новый рубеж, который она должна была занять. Обрадованный командарм даже выделил Диброву из армейского резерва два десятка пулеметных расчетов.

До своей дивизии Дибров добраться уже не смог, но большое количество пулеметов по крайней мере позволило ему благополучно выйти к Николаеву, где он наконец смог разыскать части своей дивизии, от которой на тот момент уже мало что осталось.

Потеря 30-й СД в такой ситуации стала для командования Приморской армии сильным потрясением. Высшие политработники армии считали виновником происшедшего то 9-ю армию, которая, по словам ЧВС армии бригадного комиссара Кузнецова, *«при отходе на Николаев утащила... одну из трех дивизий»*, то само командование 30-й стрелковой дивизии, на которое другой член Военного совета, дивизионный комиссар Воронин, счел нужным пожаловаться начальнику главного политуправления Красной армии. В своем донесении армейскому комиссару 1-го ранга Мехлису Воронин, несколько сгустив краски, сообщил, что *«дивизия боевого приказа не выполнила, командование дивизии приняло решение отходить на Николаев, а не на Одессу. Считаю, что руководство 30 СД совершило тяжчайшее государственное преступление. Оно поставило в тяжелое положение Приморскую армию. Военный совет Приморской вынужден был в связи с побегом 30-й СД принять решение отойти на невыгодный рубеж, так как нечем было закрыть участок, предназначавшийся 30 СД»*.

В заключение Воронин просил *«привлечь руководство 30 СД к ответственности за невыполнение боевого приказа»*, считая, что *«они испугались положения, когда увидели, что сзади Одессы суши нет, а только море, очевидно, привыкли отходить и не были настроены бить врага на подступах к Одессе»*.

А Софронов продолжал посылать кавалерийские разьезды, надеясь установить связь с 30-й стрелковой. В конце концов задачу установить взаимодействие с соседом справа получила вся 1-я кавалерийская дивизия.

Впрочем, связь была прервана не только с 30-й дивизией. Не было никакой связи с 9-й армией и даже с некоторыми частями самой Приморской армии, двигавшимися в момент начала немецкого прорыва к назначенным Софроновым рубежам.

В такой обстановке, не зная, где теперь находится противник, обходящий правый фланг армии, и где находится сам этот фланг, командование армии сделало все возможное для того, чтобы не утратить контроля над положением и не допустить обвала линии фронта на своем участке.

¹⁴ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 102–103.

Генерал-лейтенант Софронов отдал приказ срочно снять остававшееся еще в Тираспольском УР вооружение и вывести из него личный состав пулбатов, направив их на прикрытие правого фланга, где из-за отсутствия 30-й дивизии и отхода 9-й армии образовалась значительная брешь, протяженностью не менее 50 км, размеров которой на тот момент никто точно не знал. Все 47 76-мм капонирных орудий пришлось подорвать, так как эвакуировать их уже не успевали. Пулеметные же доты не удалось даже взорвать, так как заранее к подрыву они не готовились, а теперь на это уже не было времени.

В условиях отступления немедленно возникла нехватка транспорта. Из УРА нужно было вывезти около 3,5 млн патронов и 5 боекомплектов снарядов к имевшимся орудиям. Поэтому часть пулбатов была вынуждена двигаться из ТИУРа пешим порядком. Высвободившиеся после перевозки машины немедленно посылались к ним навстречу.

Два пулбата эвакуировать на машинах так и не смогли, и им пришлось добираться до Карпово пешком. Скорей всего, во время движения они понесли значительные потери, так как для усиления правого фланга они использованы уже не были, а по распоряжению Шишенина направились в Одессу на переформирование.

Но этого было недостаточно. Чтобы прикрыть участок такой протяженности, который должна была бы занять при отходе 30-я стрелковая дивизия, в район между Куяльницким и Тилигульским лиманами пришлось выдвинуть все наличные резервы, которыми располагал город – 1-й морской полк, сформированный из моряков Одесской военно-морской базы. 26-й полк НКВД, развернутый из 26-го пограничного отряда, усилив их 54-м полком 25-й Чапаявской дивизии. Все эти части были сведены в группу, ставшую известной сначала как сводный отряд, а потом и как группа Монахова, по фамилии возглавившего ее комбрига Монахова, занимавшего в штабе ОдВО должность начальника управления боевой подготовки.

Подвижный резерв армии – 1-я кавалерийская дивизия – получила приказ выдвинуться в район Сербка-Благодеево в 55–60 км севернее Одессы. Как стало известно позже, этом направлении уже двигались 72-я немецкая пехотная дивизия и румынская кавалерийская бригада.

Но 1-я кавалерийская дивизия, до этого безуспешно пытавшаяся по распоряжению Софронова установить контакт с соседом справа, очень быстро столкнулась с обходившими фланг армии частями противника. Полки дивизии, двигавшиеся изолированно друг от друга, чтобы прикрыть возможно больший участок фронта, не могли принять бой с подвижными частями румын в открытой степи и избегая окружения, вынуждены были начать отход, пользуясь любыми свободными направлениями. Связь между штабом дивизии и, полками прервалась, и ее командир, генерал-майор Петров вынужден был носиться по степи на автомобиле, собирая разрозненные части.

7 августа штабом армии, сделавшим для себя определенные выводы из ожесточенных боев последних недель, было отдано следующее распоряжение командованию всех дивизий:

*«Весь призывной контингент при отходе отводить, направляя в тыловые райвоенкоматы для направления в запасные части армии».*¹⁵ Но отступающим частям армии было не до облав на мужское население призывного возраста.

Ситуация для армии складывалась крайне неблагоприятно: части ее центра и правого фланга в момент прорыва находились в движении по открытой степи к недостроенному оборонительному рубежу, находясь на значительном удалении друг от друга, и в значительной степени потеряли связь со штабом. Из-за того что части Приморской армии отходили на Одессу, а части 9-й армии – на Николаев, т. е. по расходящимся направлениям, разрыв между ними неуклонно увеличивался. Румынские части немедленно начали движение вперед, против Приморской армии, поддерживая немцев слева. На более чем 60-километровом открытом про-

¹⁵ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 96.

странстве от Карпово до Тилигульского лимана стали завязываться многочисленные маневренные бои.

Маневренная оборона **(8—13 августа)**

Из всех частей 1-й кавалерийской дивизии наиболее крупное боестолкновение с противником имел 5-й кавполк под командованием капитана Блинова. Полк отходил в направлении Капитановки. Впереди полк имел сабельные эскадроны, посередине – штаб, службы обеспечения, обоз и артиллерийскую батарею, позади двигался в качестве прикрытия пулеметный эскадрон на тачанках. Столкнувшись вечером в районе поселка Кубанка около Куяльницкого лимана с легкой бронетехникой разведывательного батальона 72-й пехотной дивизии немцев, полк вовремя успел ввести в бой батарею 76-мм орудий. 2 бронемашин оказались повреждены. Ночью полк имел преимущество перед противником, поэтому Блинов принял решение оставаться в Кубанке, не отходя пока дальше.

В течение ночи немцы не обнаружили желания продолжать бой, и экипажи обоих бронемашин, не имея поддержки, вынуждены были сдаться подобравшимся к ним в темноте кавалеристам. Утром 9 августа полк разыскал Петров, вся дивизия которого успела за ночь сосредоточиться в районе Капитановки, и Блинов предъявил ему первых пленных.

Почти в аналогичной ситуации столкнулся с бронетехникой противника и 265-й корпусной артиллерийский полк майора Богданова. Приняв по радиации сообщение о том, что противник, сбив заслон, вышел на дорогу Тирасполь – Одесса в полосе отхода 25-й стрелковой дивизии, Богданов рискнул встретить механизированные части противника на открытой местности.

Оба пушечных дивизиона полка были выведены на прямую наводку, а третий, гаубичный, занял закрытую позицию, прикрываясь небольшими холмами. Двигавшаяся в походном порядке немецкая техника была встречена сосредоточенным огнем дивизионов, после чего немцы развернулись в боевые порядки и двинулись к позициям полка. На открытой местности огонь артиллерии крупного калибра даже на довольно большом расстоянии оказался эффективным. Немцы отошли и, перегруппировавшись, попытались обойти полк с фланга, однако были остановлены пехотой, поддержанной огнем гаубичного дивизиона.

Части самой 25-й дивизии смогли закрепиться на рубеже Беляевка – Мангейм – Бриновка, т. е. значительно юго-восточнее первоначально им назначенных позиций, где им удалось остановить противника.

95-я СД, отходившая восточнее 25-й, частично смогла удержать назначенный ей рубеж.

54-й стрелковый полк, прикрывая выход частей своей дивизии на новый оборонительный рубеж в районе станции Мигаево, вел бой с передовыми частями 3-й пехотной дивизии противника, пытавшимися прорваться на Понятовку, после чего был выведен в армрезерв в район Благоева.¹⁶

Подразделения 90-го СП, поддержанные 13-м отдельным разведывательным батальоном и авиацией, выбили противника из Катаржино.

На штурм наступающего противника были брошены эскадрильи 69-го ИАП. Авиация в этот раз была применена грамотно. Истребители штурмовали не немецкие, а румынские части, действовавшие против 25-й и 95-й стрелковых дивизий, которые, отходя с боями, оказывали румынам упорное сопротивление. В течение всего, дня через каждые 2–3 часа истребители штурмовали противника. Немцы, занятые обеспечением собственного наступления, насколько могли стали прикрывать с воздуха и румын, но штурмовки все равно продолжались, часто перерастая в воздушные бои. Наиболее крупный воздушный бой произошел над Катар-

¹⁶ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 99.

жино. Там группа истребителей 69-го полка после штурмовки вела бой с 12 истребителями Ме-109 заявив, по данным различных советских источников, об уничтожении от 7 до 9 машин.

На следующий день противник попытался развить достигнутый успех и продвинуться еще дальше. Бои опять завязались на всех участках фронта, занимаемого Приморской армией. Но к этому времени связь с частями армии уже была восстановлена, и штаб армии уже более энергично вмешался в ход развернувшегося на передовом рубеже сражения, активно маневрируя артиллерией.

На левом фланге армии действовали 3-я и 7-я румынские пехотные дивизии при поддержке 1-й румынской кавалерийской бригады. Части 25-й стрелковой дивизии все утро отбивали атаки противника на прежнем рубеже.

Для ее поддержки из Одессы были выдвинуты 3 дивизиона подвижных батарей военно-морской базы. Одна из них, 36-я, поддерживая части дивизии, накрыла огнем целый дивизион румынской артиллерии в момент его выхода на позиции. Прежде чем румыны успели развернуться, 12 орудий оказались выведенными из строя. За этот бой командир батареи лейтенант Бойко был награжден орденом Ленина.

Основные силы обеих румынских дивизий действовали против 95-й СД. Выдвинутая дальше остальных сил армии дивизия с трудом отражала атаки противника на недоделанном рубеже, во многих местах не имевшем даже окопов полного профиля. Ключевым пунктом обороны дивизии было поселок Сталино, находившийся на стыке оборонительных участков 90-го и 241-го стрелковых полков. Ударив силами до трех пехотных батальонов встык между полками, румыны овладели северной окраиной Сталино и стали подтягивать к месту боя мотоотряды.

Командующий армией отдавать Сталино без упорного боя не собирался и отдал распоряжения 54-му СП, только что выделенному в армрезерв совместно с 1-й кавдивизией Петрова, – сосредоточиться в районе Благоево для удара про прорвавшемся противнику¹⁷

Однако с контрударом части армии опоздали. Пока шло сосредоточение, крупные силы румын смяли правый фланг 95-й дивизии, который занимал 90-й СП. Под натиском превосходящих сил противника, которые командование дивизии оценило в два пехотных полка и один кавалерийский, 90-й СП начал отход в юго-восточном направлении. Командир 90-го СП с небольшой группой бойцов оторвался от полка и потерял управление над ним.

Оставшись без прикрытия справа, 241-й СП под угрозой обхода тоже начал отход своим правым флангом. 161-й СП, занимавший участок от Понятовки до Раздельной, удержал свои позиции при помощи поддержавших его слева частей 25-й СД.

57-й артполк, действовавший в составе дивизии, какое-то время помогал спасать положение, но к вечеру дивизия начала отход с занимаемых позиций. Несколько предпринятых контратак успеха не имели. К вечеру румыны смогли овладеть к северу от Одессы районом Сербка – Белка, а на северо-западе заняли станцию Раздельная¹⁸

Далее удерживать передовой рубеж, протяженность которого составляла 195 км и находившийся менее чем в 50 %-ной готовности, силами всего двух дивизий, тогда как он изначально был рассчитан на прикрытия вдвое-втрое большими силами, было невозможно. Вечером 9 августа командование армии приняло решение в течение следующего дня под прикрытием сильных арьергардов вывести обе дивизии на новый рубеж, который проходил в основном по старому второму поясу обороны, который был так же сильно не доделан, как и первый, но имел значительно меньшую протяженность, вследствие чего удерживать его было легче.¹⁹

¹⁷ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д.32, л. 102.

¹⁸ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л.103.

¹⁹ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д.16, л. 14.

25-я дивизия должна была занять рубеж по линии Красная Вакуловка – Мангейм – Кагарлык – озеро Попово. При этом сил прикрыть восточный берег Днестровского лимана практически не оставалось, и там на более чем 20-километровом участке разместились всего 4 роты из состава 287-го стрелкового полка. Роты были усилены Овидиопольским и Роксолянским истребительными батальонами.

Берега Днестровского залива и лиманов являлись одними из самых уязвимых мест в обороне города. Истребительные батальоны, не имевшие необходимой подготовки, не могли быть эффективны в случае появления в таких пунктах значительных сил врага. Зато с мест нахождения истребительных батальонов постоянно поступали сигналы о появлении «десантов врага», переодетых в советскую форму, которыми по выяснении оказывались свои же подразделения.

95-я дивизия теперь занимала рубеж Старая Вандалиновка – Новоселовка – станция Карпово. Группе Монахова, выдвинутой к Тилигульскому лиману, предписывалось отойти к Аджалыкскому лиману и занять рубеж Коблево – Визирка – Ильинка;

1-я кавалерийская дивизия опять выводилась в резерв армии.

Так как части армии затемно оторвались от противника, отход на новые позиции в этот раз прошел довольно спокойно. Утверждения некоторых авторов²⁰ о том, что в течение 10 августа отходящие на новый рубеж части 25-й и 95-й СД вели тяжелые бои с врагом, не находят документальных подтверждений, напротив – имеющиеся документы говорят об обратном.

К 12.00 в дивизии поступило распоряжение начальника штаба Приморской армии генерал-майора Шишенина:

«В связи с тем, что пр-к не проявляет активности, переход (на) новый рубеж осуществлять постепенно, дав возможность вывести все тылы. Переход производить, задерживая противника на промежуточных позициях, повторяю – переход производить организованно, сохраняя порядок и управление войсками. После отхода арьергардов разрушать мосты и дороги».

В 12.20 в штаб армии поступило донесение от командования 25-й СД: *«части выполняют приказ, противник никаких действий не проявляет»*.²¹ 10

В итоговой оперсводке командования Приморской армии за этот день и в ее журнале боевых действий сообщалось также, что противник в течение 10.08 к новой оборонительной полосе не подошел.

95-я дивизия, которой нужно было пройти до новых позиций значительное расстояние (и из состава которой в этот день для передачи в группу Монахова помимо ранее переданного из 25-й СД 54-го СП был изъят 90-й СП), находилась в несколько более сложном положении. Она медленно двигалась к новому рубежу в течение всего дня, вынужденная прикрываться сильными арьергардами.

Значительные бои в этот день развернулись только на правом фланге армии, где части 72-й пехотной дивизии немцев, лучше оснащенные техникой, сумели продвинуться дальше румынских. 1-я кавдивизия была выдвинута правее всех частей армии, на рубеж от Константиновки до Тилигульского лимана. Во время боя бойцам дивизии удалось подбить один немецкий танк и захватить 3 пленных. Однако впоследствии командование армии сочло такие успехи недостаточными, и количество пленных в итоговой сводке для командования Южного фронта было увеличено до 30, а количество танков до 3.

Отряд Монахова вел бой левее, на рубеже Буялык – Павлинка – Мариновка. При этом в бой был введен и потрепанный 90-й СП, а также 2 роты 27-го железнодорожного полка. К исходу дня 90-й СП вместе с остатками 11-го истребительного батальона передали отряду

²⁰ Связанные, по их словам, с намеченным румынами на 10 августа захватом Одессы.

²¹ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 106.

Монахова,²² Но несмотря на все предпринятые меры, фронт правого фланга армии все равно был слишком растянут для такого небольшого количества войск, и противник мог его легко обойти.

К утру 11 августа румынские части добрались до новых оборонительных позиций 25-й и 95-й СД и начали активные действия на левом фланге и в центре новых позиций армии.

На левом фланге румыны пытались с ходу овладеть Беляевкой. Попытки румын овладеть водонапорной станцией пока удавалось пресекать, правда, для этого на таком относительно небольшом участке пришлось ввести в бой весь 287-й СП.²³

В наиболее тяжелом положении оказалась 95-я СД, что, впрочем, было ожидаемо командованием Приморской армией. Командовавший дивизией генерал-майор Пастревич еще 17-го июля был отозван в распоряжение ВС 9-й армии, и обязанности командира дивизии временно исполнял полковник Соколов. В ночь на 11-е августа командование дивизией решено было укрепить. Соколов был снят, а командиром дивизии назначен начальник полевого управления²⁴ Приморской армии генерал-майор Воробьев. Однако 90-й СП дивизии не вернули, решив, что поставленные задачи дивизия в состоянии выполнить и силами двух полков.

На практике сделать это оказалось довольно сложно. В полдень румыны, введя в бой первые эшелоны 3-й и 7-й пехотных дивизий, начали наступление на позиции дивизии сразу с трех направлений: из Елизаветинки силами до полка на Бриновку, из Штерна силами до двух пехотных полков на Калиновку и из Колонтаевки силой до батальона к железнодорожной ветке Раздельная – Одесса. Однако советские части имели явное превосходство над противником в артиллерии, которую тот еще не успел подтянуть в значительных количествах, и все атаки румын удалось отразить, не понеся больших потерь. Но оценив итоги боя, командующий армией пришел к выводу, что 95-я дивизия вряд ли сможет удержать занимаемый рубеж без 90-го СП и вернул его в состав 95-й СД. Совершив ночной марш до Сортировочной, полк по железной дороге был переброшен на станцию Выгода, в распоряжение командира 95-й СД.²⁵

На правом фланге занимавшие его части не могли удерживать фронт такой протяженности и после вечернего боя ночью начали отход. Кавдивизия Петрова была выведена из боя и сосредоточилась в районе Нового Лютсдорфа и Бутовки, а сводный отряд Монахова, оставшись с правым флангом оголенным отходом кавдивизии, отошел за ночь дальше всех остальных армейских частей и закрепился на рубеже между Куяльницким и Аджалыкским лиманами.²⁶

При этом 54-й и 90-й стрелковые полки заняли оборону на левом фланге отряда между Куяльницким лиманом и железной дорогой, в центре между железной дорогой и Свердлово занял оборону 26-й погранполк, а 1-й морской полк закрепился на его правом фланге – между Свердлово и Булдинкой.

Румыны за ночь не успели стянуть крупных сил к новым оборонительным позициям сводного отряда, и поэтому этот день на участке Монахова прошел спокойно.

Немецкие части оставались перед правым флангом армии, но не наращивали своей группировки и активных действий не предпринимали.

На следующий день румыны приступили к завершению полного окружения города. В 14.30 до батальона пехоты, поддерживаемой кавалерией и легкими танками, с ходу атаковали позиции, занятые 1-м морским полком. Наступление румын носило характер разведки боем. Выяснив, что перед ними находится оборудованный оборонительный рубеж со значительной плотностью огневых средств, противник прекратил наступление, и в 17.30 подвижная группа

²² ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 107.

²³ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 111.

²⁴ Так тогда назывались структуры военного времени по управлению рядом соединений, включавшие в себя и штаб, и Военный совет.

²⁵ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 110.

²⁶ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 16, л. 11.

румын начала отход от рубежа морполека, обошла Аджалыкский лиман с севера и направилась по восточному берегу лимана к станции Беяры, создавая угрозу правой оконечности оборонительных позиций, которые на этот момент доходили до Кошар и Коблево. Этот довольно протяженный прибрежный район удерживался 47-м отдельным понтонным батальоном, не имевшим достаточно сил для его защиты. Понтонеры с помощью подрывников подготовили к взрыву расположенные здесь дамбу и мост, заложив при этом около 300 мин, 30 авиабомб и 20 кг безоболочных взрывчатых веществ, и с тревогой ожидали, кто появится у их позиций первым – противник или свои подкрепления, если командование все-таки решит их послать.²⁷

Командование армии, однако, не собиралось уступать этот район противнику без упорного сопротивления и еще к рассвету успело сосредоточить здесь 1-ю кавалерийскую дивизию. Командир понтонного батальона с облегчением передал свой участок обороны командовавшему 1-й кавалерийской дивизией генерал-майору Петрову и, оставив небольшую группу подрывников, повел свою часть в Одессу.²⁸ Румынская подвижная группа в виду своей явной малочисленности не стала атаковать полки дивизии, тем более что перед ее позициями находились сильные разьезды, выдвинутые Петровым для предотвращения всяких неожиданностей.

Так как правый фланг был наиболее удален от места прорыва фронта, сосредоточение румынских войск напротив него происходило медленно. Немецкая 72-я пехотная дивизия, маячившая перед позициями, занятыми отрядом Монахова, активных действий не предпринимала – она ожидала подхода румынских частей, чтобы передать им свои позиции. Но до центрального участка новых оборонительных позиций было ближе, и еще к рассвету румыны наконец подтянули сюда достаточно артиллерии, что сразу почувствовали на себе обороняющиеся. С 4.30 утра румыны в течение часа провели артподготовку по позициям 161-го и 241-го СП, после которых перешли в наступление. Основной удар противник наносил вдоль железной дороги, которую в районе станции Карпово оседлал 161-й СП. Пехоты на этом участке наступало меньше, чем против 241-го СП – всего один батальон, но его поддерживали 5 легких танков.

В ответ к Карпово была оперативно переброшена часть орудий из состава 57-го артиллерийского полка. Артиллерийским и пулеметным огнем пехоту противника удалось отсечь от танков еще на дальних подступах к позициям полка, после чего начался бой с танками. Артиллерийским огнем все 5 танков были подбиты, не дойдя до наших окопов.

Бой этот из-за малочисленности танков противника сильно отличался от произошедшего на участке этого же полка 6 днями позже, но явился своеобразной «тренировкой». Во время боя обе стороны активно применяли приемы, впоследствии в еще большем масштабе примененные ими 18 августа. Танки использовали рельеф местности, ведя огонь из-за бугров и других естественных укрытий, а орудия активно маневрировали на местности.

Атаки румын на позиции 241-го СП также были неудачны. Так как артиллерия дивизии в основном действовала на участке 161-го СП, два румынских батальона, атаковавших 241-й СП, активно штурмовались вызванными истребителями 69-го ИАП. Как сообщил начальник штаба 95-й СД, бойцы были «в восторге от действий нашей авиации». В итоге румынские подразделения залегли перед передним краем обороны и стали окапываться.²⁹

Бронетехнику румыны применили в этот день и в районе Беяевки. 12 танков прорвались через боевые порядки 25-й СД, но развить успех не смогли и, потеряв несколько машин, ушли в направлении Ясски. Стык между 25-й и 95-й дивизиями удалось усилить легким бронепоез-

²⁷ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 110.

²⁸ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 113.

²⁹ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 114.

дом³⁰ – первым, изготовленным в Одессе. Бронепоезд занял позиции в районе станции Парново, откуда был в состоянии поддерживать огнем как 161-й СП 95-й СД, так и 31-й СП 25-й.

В ночь на 13 августа противодесантная истерия, бывшая постоянным спутником частей Приморской армии в течение всего августа, достигла своего пика.

Немецкие парашютисты мерещились буквально всем.

Сообщения о высадке десантов поступали из Лютсдорфа, Лузановки и многочисленных пригородных огородов по всей окрестности Одессы. Ополченческие части формируемой в городе Одесской дивизии были приведены в боевую готовность. Один истребительный батальон был выброшен в район Лузановки в распоряжение комбрига Монахова.

Ни одного десанта противника обнаружить так и не удалось. В результате штаб армии сделал вывод, что сообщения о десантах «оказались провокационными слухами, видимо, переданными шпионами, включившимися в провода».

С 5.00 противник начал интенсивную артподготовку, которая до 7.00 велась на протяжении почти всего участка, занимаемого 95-й дивизией, – от Бриновки до Новоселовки.

Ответить противнику и ослабить интенсивность вражеской артподготовки было нечем – артполки Приморской армии уже третий день испытывали дефицит снарядов средних и крупных калибров. 122-мм снаряды были израсходованы полностью, в связи с чем все 122-мм гаубицы были выведены в тыл. Запасы же 76-мм снарядов для полковых и дивизионных пушек были на исходе. Неоднократные заявки подвезти снаряды, посылаемые в штаб фронта, пока не удовлетворялись.

Однако после мощного обстрела советских позиций, продолжавшегося 2 часа, румынские части на участке дивизии в наступление так и не перешли. Ожесточенные бои развернулись не в центре а на флангах армии, где румынские и немецкие части с 5.30 утра начали активные наступательные действия. Вероятней всего, артподготовка носила отвлекающий характер и должна была предотвратить возможную переброску войск с этого участка на угрожаемые фланги. В 5.30 утра румыны впервые атаковали Михайловку, что стало началом возникновения кризиса на левом фланге армии, разрешить который в конечном итоге так и не удалось. Ввиду особой важности этих событий они будут подробно рассмотрены в отдельной главе, посвященной боям за Беляевку и Кагарлык.

В это же время на правом фланге армии части 72-й пехотной дивизии немцев, уже сменяемой румынскими частями, в последний раз приняли участие в боевых действиях под Одессой. Немцы, очевидно, решили на посошок записать на свой счет захват важного объекта и сделать прощальный гешефт своим румынским камрадам.

Батальон немцев, который поддерживало, согласно донесению генерал-майора Петрова, «не менее роты танков», начал наступать на позиции 1-й КД с востока – в направлении на Кошары и Сычавку.³¹

Одновременно со стороны Визирки, с севера во фланг позициям дивизии наступал еще один батальон противника. Наличие у немцев «роты танков», конечно, вызывает сомнения – в штатах немецких пехотных дивизий их просто не было. За танки, скорей всего, были приняты бронеавтомобили разведбата дивизии, которыми немцы могли усилить наступающий батальон.

Узнав, что на боевые порядки кавдивизии наступает немецкая пехота, которую поддерживают больше десятка танков, командующий армией решил снова вывести дивизию в армейский резерв и отдал приказ, взорвав мост и дамбу, отходить к восточным окраинам Одессы³², оставив 3-й КП в районе Григорьевки. Участок обороны кавдивизии после умень-

³⁰ Впоследствии стал известен как № 22.

³¹ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л.116.

³² В р-н Фонтанка – Крыжановка.

шения его протяженности за счет отхода из района Сычавки – Коблева передавался 1-му морскому полку.³³

Бои 12–13 августа показали, что с отходом на рубежи старого второго пояса обороны положение Приморской армии наконец стабилизировалось. Имеющихся в распоряжении командования сил было достаточно чтобы удерживать рубежи такой протяженности.

Учитывая это, к вечеру 13 августа штаб Приморской армии подготовил переход к постоянной структуре оборонительных позиций армии с разделением линии обороны на сектора, который был закреплён в боевом приказе № 14 командующего армией. Введение секторов по сути означало переход к круговой обороне, хотя в приказе соседом справа и называлась 9-я армия.

Секторная система обороны в целом являлась прогрессивной и наиболее оптимальной для условий, в которых находилась Приморская армия. Основной ее задачей было уменьшить возможность прорыва противника на стыках обороняющихся соединений и создать оптимальные условия для маневрирования огневыми средствами.

Каждый сектор оборонялся одной стрелковой дивизией с приданными ей огневыми средствами и средствами усиления. Группа комбрига Монахова была несколько слабее кадровых дивизий, оборонявших Западный и Южный сектора, но выделенный ей Восточный сектор был более удобен для обороны, так как давал возможность опираться на радиально пересекавшие его лиманы.

Имевшиеся рубежи второго пояса обороны по возможности дооборудовались «в инженерном отношении для длительной и упорной обороны». На них устанавливались дополнительные противотанковые и противопехотные препятствия.³⁴

Несмотря на все изменения, происходившие во время более чем двухмесячной обороны города, в том числе и обвал фронта, произошедший 19 августа в Южном, а затем и в Западном секторах, система секторов показала свою высокую эффективность и сохранилась до самой эвакуации Одесского оборонительного района.

Более того, при обороне Севастополя, которая осуществлялась совсем в других условиях и против гораздо более сильного противника, она снова была признана наиболее эффективной. Улучшенная и доработанная, она помогала сдерживать немецкие и румынские части на протяжении всей героической обороны города.

³³ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 117.

³⁴ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 6, л. 10.

На ближних подступах

1-й Морской полк (11–15 августа)

В группе Монахова 1-й морской полк занимал позиции между Малым и Большим Аджалыкскими лиманами, удерживая участок правого фланга обороны города, упирающийся в Черное море. В отличие от своего соседа слева, 26-го погранполка НКВД, имевшего гаубичные батареи, полк не имел ни батальонной, ни полковой артиллерии. Оружейники из 42-го отдельного артдивизиона береговой артиллерии Одесской ВМБ инженер Мотыльков, техник Волкаш и мастер Лазаренко смогли сделать импровизированную трехорудийную батарею, используя стволы 45-мм пушек, применявшихся на береговых батареях в учебных целях. При этом использовались колеса от бетономешалок, лафеты и люльки от разбитых 45-мм и 37-мм пушек – своих и румынских.

Командир дивизиона майор Денненбург укомплектовал ее личным составом и передал в полк под командованием офицера дивизиона лейтенанта Левака. Позже дивизион подготовил и передал в полк и вторую такую батарею.

Командный состав полка, за исключением его командира майора Морозова, не имел общевоинского образования. Командиры батальонов и рот, проходившие службу на флоте, были плохо знакомы с тактикой боевых действий пехоты. Личный состав полка успел провести всего 2–3 дня на полевых учениях, успев освоить за этот срок только самые элементарные вещи.

Недостаточная подготовка полка проявилась еще до начала боевых действий, сразу после выхода на позиции, занятые им на участке Булдинка-Свердлово. 9 августа у села Свердлово пост ВНОС наблюдал пролет немецких самолетов и одновременно увидел идущее по дороге в направлении Одессы подразделение в красноармейской форме. Связав эти два события в одно целое, пост доложил в штаб 1-го морского полка о том, что с немецких самолетов высадился десант в красноармейской форме и следует в сторону города. Командир полка Морозов, доложив об этом оперативному дежурному базы, сообщил, что выслал против десанта батальон и дал заявку 412-й береговой батарее на открытие огня.

Оперативный дежурный по базе майор Ильич, уже имевший опыт получения ложных сообщений, засомневался в том, что вражеский десант, переодетый в красноармейскую форму, предпринял открытое дневное десантирование на глазах у советских войск и отменил подготовку батареи к открытию огня, порекомендовав Морозову выслать разведку и проверить сообщение.

В конце концов в штаб полка приехал с проверкой сам командующий базой, обязав командование полка принять все меры к недопущению подобных случаев.

11 августа 15-я пехотная дивизия румын, кавалерийские части и бронетехника противника стали подтягиваться к восточному флангу обороны города. Комбриг Монахов, отряд которого после ночного отхода уже успел занять позиции на новом рубеже, приказал трем морским подвижным батареям, имевшимся в его распоряжении, начать обстрел противника. На участках всех полков группы – 1-го морского, 54-го стрелкового и 26-го пограничного периодически завязывались перестрелки, но в атаки противник пока не переходил.³⁵

На рассвете 12 августа сосредоточившиеся в ближайших оврагах румынские пехотинцы начали атаки на 1-й батальон морского полка. По целеуказанию Морозова 412-я стационар-

³⁵ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 110.

ная батарея открыла огонь из своих 180-мм орудий. Стрельба оказалась неудачной, но находившийся с корректировочным постом в боевых порядках полка помощник командира батареи старший лейтенант Мищенко сделал поправки, и 100-килограммовые снаряды батареи накрыли румынских пехотинцев. После нескольких залпов пехота противника броском вышла из-под огня и вступила в интенсивную перестрелку с моряками. Под интенсивным ружейно-пулеметным огнем румынские цепи были вынуждены залечь в 400 м от позиций батальона. Румынские части имели значительное превосходство в автоматическом оружии и поэтому старались подойти поближе, чтобы использовать свое преимущество. Легкие румынские танки поддерживали атаки, но к позициям полка старались не приближаться, держась в порядках своей пехоты.

412-я батарея пробовала вести огонь и по танкам противника, но без особого успеха. Давление противника постепенно усиливалось, и командующий базой отдал приказание поддерживать полк ударами гидросамолетов МБР-2 82-й и 7-й эскадрилий.

Авиация противника в Восточном секторе в этот день не появлялась, да и румыны на участке полка оказались не готовы к отражению воздушных налетов, и гидросамолеты смогли сделать три вылета. Авиаудары оказались настолько эффективными, что моряки смогли предпринять успешную контратаку и захватить танкетку противника. К концу дня бомбардировщики Ю-88 предприняли налет на базу гидросамолетов, развернутую в Хаджибейском лимане, но успеха не имели. Всего за день полк сумел отбить 4 атаки противника, полностью удержав занимаемый рубеж.

На следующий день румыны возобновили атаки на позиции полка. Утренний натиск оказался самым тяжелым. Румыны атаковали силами двух полков. В этот раз противник применил танки значительно более активно. Они приняли участие уже во второй атаке. Танки прорвались через передовые окопы и стали развивать наступление. Упорный бой не прекращался в течение 3 часов. Однако моряки опять смогли удержаться на позициях, но понесли при этом большие потери. В этот день удалось первый раз поджечь бутылкой с горючей смесью румынский танк. Боец, сумевший это сделать, был награжден орденом Красного знамени, но в дальнейшем подобные случаи перестали быть редкостью. Боевые порядки полка атаковала и кавалерия. В целом положение снова удалось стабилизировать благодаря активной поддержке гидроэскадрилий и 412-й батареи.

Бой полка произвел сильное впечатление на командира ОВМБ, контр-адмирала Жукова. Подписав приказ, объявляющий благодарность морскому полку, 412-й батарее и двум гидроэскадрильям «за стойкость и успешное отражение атак не менее двух пехотных полков», Жуков лично выехал на КП морского полка и вручил Морозову вместе с приказом «за умелое руководство полком и личную отвагу в бою» именные часы с секундомером и светящимся циферблатом.

Возвратившись из полка, контр-адмирал приказал кораблям отряда северо-западного района – крейсеру «Коминтерн», эсминцам «Шаумян» и «Незаможник», немедленно поддерживать огнем 1-й морской полк. Огонь было решено вести двумя методами: днем по наблюдаемым целям с помощью корректировочных постов, а ночью по заявкам армейских командиров, по площадям.

К вечеру, посоветовавшись с командармом Софроновым, Жуков приказал передать в полк в качестве подкрепления батальон 2-го морского полка, состоявший в основном из матросов с крейсера «Коминтерн» и кораблей ОВРА. Помимо этого полк был усилен 21-й береговой батареей капитана Кузнецова, имевшей тяжелые 203-мм орудия. Чтобы избежать потерь от огня артиллерии, румыны попробовали атаковать и ночью, но успеха не имели.

14 августа румыны возобновили атаки. Танки на участке полка больше не применялись, но румыны интенсивно атаковали большими силами пехоты, поддерживая ее атаками кавалерии. Основной удар на этот раз наносился встык с 26-м погранполком. В этот день про-

тивнику наконец удалось нейтрализовать угрозу морской гидроавиации. Вместо бомбардировщиков базу гидросамолетов атаковали истребители противника. Сумев преодолеть зенитный огонь на бреющем полете, они подожгли на воде несколько машин. В условиях вынужденного бездействия гидроавиации поддержки выделенных батарей оказалось недостаточно. Командующий базой вынужден был переключить на поддержку полка и подвижную 122-мм пушечную батарею № 726. Непрерывно поддерживали огнем пехоту и корабли. Румыны, нейтрализовав досаждавшую им флотскую авиацию, принялись за корабли с педантичностью, не уступавшей немецкой. За Григорьевкой были установлены тяжелые батареи, которые стали систематически обстреливать поддерживающие полк корабли. Такая тактика оказалась эффективной. Корабли были вынуждены постоянно менять позиции, удаляться от рубежей полка, маневрировать и прикрываться дымзавесами. Все это ощутимо снизило эффективность их огня. Вдобавок ко всему противник смог перебросить на участок полка и авиацию, которая тоже сосредоточила свои удары на кораблях. В результате к вечеру эсминец «Незаможник» получил повреждения и ушел в гавань. За ночь его отремонтировали, и утром он снова вышел на позиции.

Оставшись без поддержки авиации и при уменьшившейся поддержке корабельной артиллерии, полк опять смог удержать занимаемые позиции, но понес огромные потери. Чтобы сохранить полк в боеспособном состоянии, вечером его пришлось пополнить еще одним батальоном, на этот раз сводным, собранным из различных подразделений базы. Таким образом, за три дня боев полк обновил около двух третей своего состава. Как указал сам командир полка Морозов в докладе командованию базы: *«Присланные батальоны даже не возместили потерь»*.

Ночью румыны продолжили атаки, пытаясь максимально использовать темное время суток, в течение которого по ним не могли работать артиллерия и авиация. В эту ночь атаки были организованы лучше, чем накануне. Два батальона, поддерживаемые кавалерией и танкетками, атаковали правый фланг полка, за которым у моряков не было соседей. Завязался жестокий и упорный бой, в котором полк, удерживавший слишком протяженный для его численности участок, ничем не мог помочь своему правофланговому батальону. Резервов полк не имел, так как все три дня вынужден был держать оборону в одноэшелонном порядке, вытянув все три батальона по 8-километровому участку фронта.

Положение усугубляло и отсутствие батальонной артиллерии и минометов – достаточно мощных огневых средств, из которых можно было бы вести огонь по противнику и в ночных условиях. В ходе боя, продолжавшегося всю ночь, моряки уже после наступления темноты были вытеснены из окопов, а к 22 часам вечера вынуждены были оставить Булдинку.³⁶ Румыны не прекратили наступления, и в 2 часа ночи попробовали захватить высоты 119.9 и 87.6, расположенные южнее Булдинки.³⁷

В 5 часов утра Морозов попытался контратакой восстановить положение, но к этому времени, несмотря на темноту, румыны успели стянуть к Булдинке достаточно тяжелого вооружения.³⁸

Наступавшие моряки попали под сильный минометный обстрел и были прижаты к земле, после чего румыны, в свою очередь, перешли в контрнаступление и попытались развить успех, достигнутый на правом фланге полка.

Связь батальонов с КП полка оказалась прервана, а вскоре нарушилась и связь полка со штабом военно-морской базы, в прямом подчинении которой он находился. Попытки восстановить положение успеха не имели. Истребители противника произвели еще один налет на базу гидроавиации в Хаджибейском лимане. Обе гидроэскадрильи снова понесли большие

³⁶ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 120.

³⁷ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 16, л. 20.

³⁸ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 16, л. 20.

потери и наносить чувствительных ударов по противнику не могли. Наступление румын удалось остановить только через 3 часа.³⁹

Командующий базой сделал вывод, что за сложившуюся ситуацию ответственен командир полка, который *«похоже, не справился с полком в ночных условиях боя»*, однако никаких решений сразу принимать не стал, а отправил в полк для выяснения обстановки заместителя начальника штаба базы, капитана 3-го ранга Деревянко.

Сложное положение полка хорошо чувствовалось даже на его КП, находившемся под периодическим минометным и орудийным обстрелом. Вблизи КП шла оживленная перестрелка.

Майор Морозов сообщил, что *«в полку меньше тысячи человек на восемь километров фронта. Сейчас подразделения закрепились. После обеда будем отбивать село. Хорошо бы иметь свежий батальон»*. Однако дневная атака, предпринятая в 14 часов, успеха также не имела.⁴⁰

Пробыв в полку около часа, Деревянко по возвращении на ФКП базы доложил Жукову, что *«Морозов неповинен в потере Булдинки. Причины этого более глубокие – нехватка людей и пехотных средств дальнего и ближнего боя»*.

«А я так думаю, что Морозова надо заменить», – отреагировал на доклад Жуков. Начальник штаба базы, капитан 1-го ранга Иванов поддержал своего подчиненного, напомнив контр-адмиралу, что он 2 дня назад наградил Морозова именными часами. Но Жуков, как оказалось, уже принял решение:

«– Это была реакция на первый удачный бой. Теперь проверяется стойкость на длительную борьбу в сложных условиях. Там нужен закаленный в боях командир. Я пришел к выводу, что там выдержит только такой, как Осипов». После этого Жуков вызвал командира 2-го морского полка, бывшего заместителя начальника тыла базы, интенданта 1-го ранга Осипова, и объявил ему о новом назначении.

Такое решение было спорным, но у командующего базой имелись основания для его принятия. Ход боя контролировался командующим Южного фронта, донесения которому отправлялись через каждые 2–3 часа и при необходимости передавались и главкому Юго-западного направления Буденному.⁴¹ Но докладывать особо было нечего, и командир ОВМБ искал человека, способного быстро изменить сложившееся положение.

Осипов и ранее совершенно не случайно был назначен на должность командира 2-го морского полка. Он и Морозов были единственными офицерами в штабе базы, имевшими опыт командования армейскими полками. Морозов имел современное военное образование, он окончил высшие стрелково-тактические курсы усовершенствования командного состава пехоты «Выстрел» и до перевода на флот командовал полком.

Осипов такого образования не имел, но обладал необходимым боевым опытом. Во время гражданской войны он был командиром десантного отряда в «Кожановской десантной армии» Волжской военной флотилии и командовал 29-м Бирским стрелковым полком.

После снятия с должности командира 1-го морского полка Морозов вместо Осипова стал командовать 2-м. На должностях командира полка и начальника штаба морской бригады он воевал и под Севастополем, пока героически не погиб во время обороны города.

Была ли так необходима эта «рокировка»?

Осипову в сложившейся тяжелой ситуации не удалось сделать больше, чем Морозову, хотя полк был дополнительно усилен отрядом из 600 моряков-добровольцев, прибывших ночью на учебном судне «Днепр» из Севастополя. К 22.00 ударом 1-го и 2-го батальонов

³⁹ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 16, л. 22.

⁴⁰ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 16, л. 24.

⁴¹ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 16, л. 25.

полка, при активной поддержке батарей береговой артиллерии и кораблей флота Булдинка была отбита.⁴²

При этом в обоих батальонах было потеряно убитыми и ранеными до 40 % и без того немногочисленного личного состава. Оборонять с таким трудом занятое село было уже нечем, и через несколько часов румыны отбили его в очередной ночной атаке.

⁴² ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 16, л. 27.

Бои за Шицли *(16–21 августа)*

После того как противник в ночной атаке вторично захватил Булдинку, румыны, почувствовав слабость советской обороны в районе села, попытались развить достигнутый успех и захватить Шицли. Это небольшое село занимало выгодное тактическое положение, запирая собой широкую балку, по которой можно было продвинуться к приморскому селу Чебанке, в котором располагались штаб 1-го морского полка и 412-я береговая батарея. Сил для продолжения наступления на этот участок они смогли стянуть относительно немного – противник атаковал двумя батальонами при поддержке кавалерийского эскадрона и нескольких танкеток. Но 1-й морской полк, понесший накануне большие потери во время попыток восстановить положение, с трудом сдерживал натиск и таких сил.

Положение усугубляло и то, что вновь назначенный командир полка Осипов неверно определил направление главного удара противника, ожидая его от Булдинки прямо на Шицли, румыны же стали наступать южнее Булдинки, вдоль берега малого Аджалыкского лимана.

Доложив о складывающейся обстановке и запросив у командования ООР подкрепления Осипов стал принимать все меры к исправлению положения собственными силами, так как при отходе полка с занимаемых позиций противник мог бы еще до подхода подкреплений прорваться к Чебанке и захватить 412-ю батарею. Быстро перебросив к месту удара роту из находившегося в резерве 3-го батальона, он смог приостановить продвижение противника и, пользуясь тем, что боевые порядки румын имели не слишком большую плотность начал многочисленные контратаки в тех местах, где обстановка позволяла их предпринять. В контратаки неоднократно переходили все батальоны полка. Некоторые из этих контратак возглавили сам командир полка Осипов и его комиссар Митраков.

Наиболее тяжелое положение сложилось на правом фланге 2-го батальона полка, где противник пытался, создав локальный перевес, прорваться к морю. По приказу командира батальона разведчик Клименко с ручным пулеметом по кукурузному полю смог скрытно выдвинуться в тыл румынской пехоте, накапливавшейся для атаки, и в момент перехода ее в наступление открыл огонь. Румынские пехотинцы, отрезанные от своих позиций и оказавшиеся на открытой местности под огнем и с фронта, и с тыла, вынуждены были, спасаясь от обстрела, забраться в лиман.

Наступавший на этом участке румынский батальон прекратил атаки, и противник занялся перегруппировкой. После этого удары вдоль берега лимана больше не наносились, а противник атаковал в направлении Шицли. Атака оказалась неожиданной. Удерживавший Шицли 1-й батальон отступил, и кавалерийский эскадрон противника стал продвигаться по балке к 412-й батарее. Осипов, взяв группу матросов, контратакой ликвидировал брешь. Румынские кавалеристы оказались отрезанными от своих и блокированными в балке. 28 из них были захвачены в плен. В то время под Одессой удавалось захватывать не так уж много румынских солдат, поэтому через день пленные были вывезены на Кавказ на транспорте «Кубань» – очевидно, для использования в пропагандистских целях.

1-му морскому полку при огневой поддержке 412-й батареи, хорошо пристрелявшей подступы к Шицли и канонерской лодки «Красная Грузия», удалось остановить натиск противника и выиграть время, необходимое для того, чтобы к месту намечающегося прорыва добрались посланные из Одессы батальон 2-го полка морской пехоты и батальон войск НКВД.

Впоследствии этот бой, фактически спасший 412-ю батарею, был очень высоко оценен и командованием ООР, и руководителями государства. Краснофлотец Просвиркин за уничто-

жение в этом бою румынского пулемета был награжден орденом Красного Знамени, а краснофлотец Клименко – орденом Ленина.

Однако к вечеру противник нанес новый удар силами двух рот пехоты, имевших тяжелое вооружение и поддерживаемых 9 танками, и прорвался к Шицли. Во время тяжелого боя, продолжавшегося до наступления темноты, 4 танка были подбиты, но удержать село моряки не смогли. В свою очередь захватившие село румынские подразделения фланговыми ударами в обход села были отрезаны от своей части. Перебросить к ним подкрепление противнику не удалось. Понадеявшись на имевшиеся легкие орудия и бронетехнику, командир прорвавшейся группы принял решение из окружения не прорываться, а занять круговую оборону и удерживать село до подхода основных сил. Обе румынские роты стали спешно закрепляться в захваченном селе, на что потратили всю ночь. Перебросить к ним подкрепление противник так и не сумел.⁴³

С рассветом 17 августа бой возобновился. Помощь к румынам не подошла и с наступлением дня, но они стойко оборонялись, оказывая отчаянное сопротивление. Бой принял крайне ожесточенный характер. Обе стороны вели его фактически на уничтожение. В одной из рот 1-го морского полка оказались выбиты все командиры, и командование над ней принял краснофлотец Воронко, который тоже был убит. После того как одна из румынских рот была разгромлена на подступах к селу и ее остатки наконец сдались в плен, вторая, отступив в само село, продолжала сопротивление.⁴⁴

Проводившиеся одновременно атаки моряков на Булдинку лишали противника возможности разблокировать Шицли и помочь своим пехотинцам, которые стойко оборонялись, но которых с каждым часом становилось все меньше. Во время боя опять сказалась недостаточная подготовка моряков к боевым действиям на суше. В 1-м морском полку такого опыта не имели не только матросы, но и командиры рот и батальонов, которыми назначались офицеры частей береговой обороны и зенитной артиллерии. В результате к индивидуальной неподготовленности моряков, нежеланию окапываться и применяться к местности добавлялись и многочисленные тактические ошибки: моряки часто переходили в атаку на противника с расстояния в 1–1,5 км, не желая сближаться с ним перебежками, плохо организовывали оборону уже захваченных позиций, увлекаясь наступлением и не организовав систему огня. Пользуясь этим, румыны иногда внезапными бросками отбивали позиции обратно. Бой в селе длился до 15 часов, когда последние румыны сдались в плен. При этом в селе было захвачено 18 легких орудий, 3 танкетки и бронемашина.⁴⁵

Огневую поддержку 1-го морского полка усилили настолько, насколько это было возможно в условиях, когда все силы были брошены на восстановление положения в Южном секторе, где противник прорвался сначала к Кагарлыку, а потом и к Беляевке. Кроме 412-й батареи моряков поддерживали 21-я береговая батарея и канонерские лодки «Красная Грузия» и «Красная Армения». При поддержке артиллерийского огня морской полк в течение 18 августа удерживал с таким трудом занятые позиции, отбив 5 атак противника и отойдя за день на 500–700 м.

Но 19 августа противник, используя кавалерию и танки, снова захватил Шицли. В результате тяжелого боя к часу дня 2-й батальон морполка был фактически разгромлен и остатками отошел к Ново-Дофиновке и колхозу им. Котовского, имея в своем составе всего около 50 человек. В 1-м батальоне осталось немногим больше – около 100 человек. После того как полк

⁴³ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 127.

⁴⁴ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 129.

⁴⁵ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 131.

был обескровлен в бою за Шицли, Старую Дофиновку румыны захватили без особых проблем, ударом всего двух рот пехоты.⁴⁶

Продвинуться к Чебанке противник не смог, так как его танки наткнулись на расположенное перед ней минное поле. После этого 1-й морской полк, пополненный присланной из Одесской ВМБ ротой матросов и усиленный 150-м отдельным батальоном связи в количестве 500 бойцов, снова всю ночь возвращал утраченное. Уже к 21.30 морякам удалось сбросить румын с высоты 53,0 и с высоты 57,5. Большая часть прорвавшегося противника отошла на Булдинку, но до двух рот противника снова, как и 16 августа, закрепились в Шицли и на расположенной поблизости высоте 57,5. Бой с ними продолжался до рассвета, но выбить противника из села так и не удалось.⁴⁷

С рассветом 20 августа морской полк при поддержке батальона связи, погранполка и роты конвойного полка начал наступление на Булдинку, Беяры и ст. Дофиновку; одновременно продолжалась и ликвидация двух румынских рот, оборонявшихся под Шицли. Противник, имевший на всем участке не больше двух неполных батальонов, медленно отходил на северо-восток. При этом имея достаточно станковых и ручных пулеметов и большое количество боеприпасов, румыны смогли удержать Булдинку, не подпуская пулеметным огнем наступающие подразделения к окраинам села.⁴⁸

К 13 часам моряки вновь заняли Шицли, а к 18 часам, неся большие потери от минометного огня противника, вышли на северную окраину Беяры. Донесения о больших потерях побудили командующего армией Софронова принять решение вывести морполк из боя с наступлением темноты. Однако в конечном итоге в резерв вывели только 1-й батальон 26-го погранполка, который тут же был переброшен в Южный сектор.⁴⁹

Весь день 21 августа обе стороны приводили себя в порядок после вчерашнего боя, не имея сил для каких-либо активных действий.⁵⁰

Несмотря на понесенные накануне потери и не учитывая катастрофической обстановки, складывающейся в Южном секторе, советское командование готовилось к очередному локальному наступлению в Восточном.

⁴⁶ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 137.

⁴⁷ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 1–2.

⁴⁸ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 142.

⁴⁹ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 3–8.

⁵⁰ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 148.

Танковый удар (18 августа)

Наступление противника в Западном секторе не было для командования Приморской армии неожиданностью. И хотя передача 90-го стрелкового полка для контрудара в Южном секторе ослабляла 95-ю дивизию, в целом она была готова к отражению удара врага. Во многом этому способствовали полученные накануне данные авиаразведки о переброске в сектор румынской «мотобригады». Ею оказалась 1-я танковая дивизия, но выяснить это удалось не сразу, так как дивизия действовала под Одессой в неполном составе.⁵¹ В первые часы боя в донесениях и переговорах говорилось, что на участке 95-й дивизии действует танковая бригада.

После неудачи контрнаступления под Кагарлыком (о котором будет рассказано отдельно) 90-й стрелковый полк пришлось оставить в Южном секторе. На усиление Западного сектора было отправлено около 700 человек – в основном это были бойцы, только что выписанные из госпиталей и небольшой отряд моряков из резерва Одесской военно-морской базы. 69-му ИАП было приказано с рассвета 18 августа поддерживать 95-ю дивизию, действуя по ее заявкам. Артиллерия дивизии в первый раз за долгое время получила повышенное количество снарядов из числа боеприпасов, срочно доставленных эсминцами. Во время контрнаступления под Кагарлыком из-за плохо организованного подвоза их сперва не хватало, но потом выяснилось, что израсходованы не все.

Направление главного удара противника Воробьев смог определить правильно – он ожидал его вдоль железной дороги на позиции 161-го стрелкового полка майора Сереброва. Поэтому на его позиции в районе станции Карпово, на которую он опирался, была выдвинута значительная часть приданных дивизии огневых средств – 57-й артиллерийский полк майора Филипповича и 97-й отдельный противотанковый дивизион капитана Барковского. На этот же участок перебросили большинство пулеметов, полученных дивизией от ТИУР, что позволяло создать очень большую плотность пулеметного огня, так как один станковый пулемет приходился на каждые 50—100 м. В тылу полка сосредоточился и резерв дивизии – ее разведбатальон со своими бронеавтомобилями и плавающими танками.

Позиции полка имели большое количество ДЗОТов – на их строительство пошли все имевшиеся в районе станции шпалы и рельсы, за исключением пути, оставленного для действий бронепоездов.

В седьмом часу утра авиация противника нанесла бомбовые удары по переднему краю частей 95-й дивизии, и началась артподготовка, продолжавшаяся около часа. В начале восьмого части румынской 1-й танковой дивизии бригадного генерала Сиона перешли в атаку при поддержке частей 7-й пехотной дивизии.

Начальник штаба 95-й СД майор Чиннов доложил по телефону в штаб армии: *«У Сереброва началось. Наступают танки и пехота. Танков несколько десятков»*. Огонь по противнику был открыт, когда танки приблизились к окопам на 250–300 м. Приданная артиллерия вела огонь прямой наводкой по танкам, пулеметчики и стрелки – по пехоте. Мощным пулеметным огнем пехоту противника удалось прижать к земле, не допустив до позиций, а основная масса румынских танков⁵² прошла через окопы на участке 3-го батальона 161-го стрелкового полка и соседнего с ним батальона 90-го СП, несмотря на попытки забрасывания их бутылками с горючей смесью. Штаб 95-й СД доложил командующему армией, что *«противник*

⁵¹ 2-й танковый полк был выведен из состава дивизии и придан 4-й армии в качестве отдельного полка.

⁵² В основном это были R-2.

применяет из танков огнеметание». Однако это сообщение не было ничем подтверждено, и в штабе армии к нему отнеслись с большой осторожностью.

От бутылок и гранат румынские танки на разных участках обороны понесли различные потери, но задерживаться у окопов, из которых градом летели бутылки и гранаты, нигде не стали. Пропустив танки через свои траншеи, бойцы 3-го батальона продолжали отбивать атаки пехоты противника, но румынам позднее все-таки удалось отбросить одну из рот с занимаемых позиций и вклиниться в боевые порядки батальона. Ликвидировать прорыв противника, даже такой незначительный в тот момент, было нечем. Серебров приказал командиру 3-го батальона лейтенанту Бреусу восстановить положение на участке батальона любой ценой.

Бреус, прискакав на участок батальона на полагавшемся тогда всем комбатам коне, повел роту в контратаку. Контратака сопровождалась сильной огневой поддержкой – по срочной заявке Сереброва огонь по румынам на участке батальона вел выдвинутый к Карпово 57-й артполк. Румын удалось отбросить, и батальон восстановил исходное положение.

Слева от полка Сереброва удар румын пришелся на батальон майора Вруцкого, единственный батальон из 90-го стрелкового полка, оставленный на участке дивизии; два других принимали участие в контрударе группы Воробьева 17-го августа и из-за осложнившейся ситуации под Кагарлыком в дивизию не вернулись, оставшись в Южном секторе. Батальон также не сумел остановить румынские танки, хотя несколько из них удалось поджечь бутылками с горючей смесью. Из-за сложного положения на участке Бреуса артиллерия мало поддерживала батальон Вруцкого огнем, однако все атаки пехоты батальону удалось отбить интенсивным пулеметным огнем и многочисленными контратаками. В последней из них Вруцкий был тяжело ранен. В конце дня на его участке оказалось больше всех подбитых и сожженных румынских танков.

Однако командовавший дивизией генерал-майор Воробьев посчитал, что во время боев 18 августа из всех комбатов наиболее отличился лейтенант Бреус, и более того, счел его достойным присвоения звания Героя Советского Союза. Военный совет армии поддержал представление лейтенанта Бреуса – первого из защитников Одессы – к званию Героя Советского Союза. Он был удостоен этой награды в феврале 1942 г. вместе с группой других участников Одесской обороны. О подвиге, совершенном лейтенантом, много писалось в периодической печати тех лет, и постепенно в официальной версии его содержание сильно изменилось. Считалось, что батальон под командованием Бреуса уничтожил около 1000 солдат противника – т. е. столько, сколько всего было обнаружено перед позициями полков 95-й дивизии, по донесениям от 18 августа.

После того как румынским танкам удалось прорваться через боевые порядки 161-го полка, командующий Приморской армией отдал распоряжение снять с огневых позиций ближайший к участку прорыва дивизион ПВО. Зенитчики имели приказ не пропустить танки любой ценой.

Однако вводить дивизион в бой не потребовалось. Наличие в боевых порядках 95-й дивизии большого количества станковых пулеметов явилось для противника полной неожиданностью.

Румынское командование никак не предполагало, что имевшую подавляющее численное превосходство румынскую пехоту советским бойцам удастся отсечь от танков. Удалось ли румынам сохранить управление прорвавшимися машинами 1-й танковой дивизии – неизвестно, но танки не действовали по какому-то определенному плану. Несколько продвинувшись на юго-восток к поселку Виноградарь, румынские танки сосредоточились в неглубокой ложине и остановились, возможно, ожидая свою пехоту. Начальник артиллерии дивизии полковник Пискунов перебросил к поселку несколько орудий из 57-го артполка. С другой стороны в обход ложины был направлен 97-й отдельный противотанковый дивизион капитана Барковского. Выдвинутые к поселку полевые орудия открыли огонь первыми. Особого ущерба они

противнику не причинили, но отвлекли его внимание на себя. Танки стали разворачиваться в сторону орудий и перестраиваться в боевой порядок, собираясь атаковать немногочисленную артиллерию. Однако противотанковый дивизион к этому времени уже успел занять выгодную позицию в соседней лесопосадке и, находясь с фланга от развернувшегося противника, открыл беглый огонь по повернувшимся к нему бортами румынским танкам.

Три машины были тут же подбиты, остальные, опасаясь попасть в огневой мешок, пошли обратно к линии фронта, предпочитая больше не наткаться на противотанковые батареи.

В целом атака всех частей танковой дивизии была неподготовленной. Прежде всего, неудачно был выбран участок главного удара. Направление заранее было сочтено советским командованием танкоопасным, и на него было стянуто значительное количество артиллерии.

Большое количество пулеметов в боевых порядках пехоты и обилие ДЗОТов помогло отсечь румынскую пехоту от танков. В результате 1-я танковая дивизия⁵³ за один бой потеряла свыше 30 танков, правда, уничтоженными из них оказались только 12, остальные были повреждены.

Неудачный бой 1-й танковой дивизии стал известен в Румынии как катастрофа под Карпово⁵⁴. Дивизия была отведена в тыл, а Сиона временно отстранили от командования. Из оставшихся танков был сформирован механизированный отряд «Полковник Эфтимiu», называвшийся по фамилии и званию возглавившего его командира.

Отведя уцелевшие танки в тыл, румыны продолжали атаки силами 7-й пехотной дивизии, поддерживая их огнем тяжелой артиллерии. Атаки велись на участках всех полков дивизии, но под наиболее сильным нажимом находился 161-й полк, оседлавший железную дорогу. Истребители 69-го ИАП и пришедшая из Крыма бомбардировочная авиация Черноморского флота наносили штурмовые и бомбовые удары по врагу. 63-я бомбардировочная авиабригада полковника Хатиашвили вылетела на бомбежку румынских дивизий в полном составе, двумя полками, которые по своему назначению мало подходили для выполнения поставленных им задач.

Один из них – 40-й скоростной бомбардировочный авиаполк – был вооружен бомбардировщиками СБ и в небольшом количестве – Пе-2, другой – 2-й минно-торпедный полк – имел торпедоносцы ДБ-3Ф с бомбами вместо торпед. Оба полка уже имели большой опыт дневных боевых вылетов и большие потери из-за недостаточного прикрытия истребительной авиации.

Кроме самолетов этих двух полков, несмотря на светлое время суток, наступающие румынские части активно бомбили и гидросамолеты 119-го морского разведывательного авиаполка и двух гидроэскадрилий из Хаджибейского лимана, также мало подходившие для подобных заданий.

Во второй половине дня противник ввел в бой части 3-й пехотной дивизии. Румынские танки после больших потерь, понесенных ими утром, в бою больше не участвовали. На участок дивизии из Восточного сектора было решено перебросить бронепоезд № 21. По сохранившемуся участку пути бронепоезд подошел к переднему краю, ведя огонь на оба борта. Этому способствовало расположение позиций 161-го стрелкового полка, занимавшего оборону по обе стороны от железной дороги. Тяжелый бой продолжался до вечера. Обе стороны несли большие потери.

Точное количество резервов, которое командование 4-й румынской армии могло перебросить на этот участок, было неизвестно, и советское командование до наступления темноты не было уверено в исходе боя. По приказу командарма заместитель начальника штаба При-

⁵³ Точнее, ее 1-й полк.

⁵⁴ Dezastrul de la Karpova.

морской армии майор Лернер и направлонец⁵⁵ капитан Шевцов выехали на КП 95-й дивизии в качестве контролеров от штаба армии, имея задачу докладывать о ходе боя.

Но ни офицеры штаба, ни командир дивизии Воробьев так и не смогли до самого вечера определить возможный исход боя. Даже после того как атаки противника прекратились, не было уверенности, что завтра они не возобновятся. Однако противник был не в состоянии продолжить наступление. Наиболее тяжелые потери понесла 7-я румынская пехотная дивизия. После наступления некомплект личного состава в ней с учетом предыдущих боев составил около 50 %.

В 3-й пехотной дивизии потери были меньше, но тоже достаточно тяжелыми.

Пользуясь установившимся в Западном секторе затишьем, командование армии решило провести демонстрацию захваченных накануне трофеев и подбитой вражеской техники. На случай возможных обстрелов и новых вражеских атак несколько подбитых танков ночью перетащили тягачами в более удобное для осмотра место. Только что назначенный членом Военного совета вновь созданного ООР дивизионный комиссар Воронин организовал для корреспондентов армейских, флотских и центральных газет, находившихся в Одессе, и политработников ООР экскурсию, во время которой были сделаны широко известные впоследствии фотографии захваченной под Одессой румынской техники.

Военный совет Приморской армии направил командованию 95-й СД телеграмму, в которой говорилось: *«Поздравляем с новым успехом. Объявить благодарность бойцам-героям, особенно артиллеристам противотанковых пушек и бойцам, уничтожавшим танки бутылками с горючим. Отличившихся представить к правительственным наградам»*.

⁵⁵ Офицер, отвечающий за прием, отправку и обработку всей документации между сектором обороны и штабом армии.

Катастрофа

Бои за Кагарлык

(12–16 августа)

25-я Чапаевская стрелковая дивизия, которая с момента создания Приморской армии находилась на ее левом фланге, после отхода армии от Днестра заняла оборону на левом фланге Одесского плацдарма на участке от Днестра до Кагарлыка.

54-й полк в дивизию так и не вернули, посчитав, что занимаемый ею участок, прикрытый слева устьем Днестра и Днестровским лиманом, дивизия сможет удерживать и силами двух полков. Следствием такого решения явилось расположение частей дивизии в одноэшелонном порядке, без каких-либо значительных резервов.

На левом фланге дивизии, на участке 287-го стрелкового полка находился поселок Беляевка с расположенной у него насосной станцией, осуществляющей подачу в Одессу большей части потребляемой городом питьевой воды. Значение Беляевки для обороноспособности города хорошо понималось румынами, которые стали предпринимать первые попытки захвата поселка еще с ходу, как только их части вышли в этот район. Однако командованию Приморской армии было нечем усилить этот участок, так как части армии занимали слишком протяженный оборонительный рубеж. Принять же решение о частичном сужении оборонительного периметра, до того как он будет прорван, командующий армией, естественно, не мог.

Рубеж, занимаемый дивизией, и так уже был восточнее назначенного ей командованием армии 7 августа в соответствии с указаниями Главкома Юго-западного направления Буденного, на которого в свою очередь постоянно давила Ставка. И если 10 августа командующий армией приказал оставить старые позиции ввиду общего отхода частей армии и давления противника, то больше возможности сузить фронт дивизии не было.

Такая ситуация была типична для всего Одесского плацдарма. Из-за того, что оборонительные рубежи возводились в расчете на большее количество дивизий, опершийся на них оборонительный периметр получился слишком растянутым. Наиболее уязвимыми оказались фланги, которые прикрывались наименьшим количеством частей. И наиболее чувствительные удары противник стал наносить именно по ним.

Первые значительные атаки на Беляевку румыны предприняли 12 августа, но стянутых ими сил оказалось недостаточно для достижения какого-либо успеха, несмотря на то, что наступающих поддерживали 12 танков. Танкам удалось прорвать позиции частей дивизии, но румынская пехота была прижата огнем к земле и из-за не достаточной численности атакующих и слабой поддержки артиллерии не смогла приблизиться к советским окопам. Из оставшихся без поддержки танков семь было подбито, а остальные ушли в направлении Яски.⁵⁶

На следующий день атаки противника приняли более упорный характер. Штурмовать Беляевку в лоб было сложно, так как с фронта она была прикрыта болотистой поймой реки Турунчук. Поэтому основной удар румыны наносили севернее, в обход Беляевки на Михайловку.

В 5.30 два батальона противника перешли в наступление на Михайловку, но сил снова оказалось недостаточно. Оба батальона залегли перед передним краем и стали окапываться. В 8.30 румыны нанесли отвлекающий удар по Беляевке, имитируя переход в наступление, а через полчаса снова атаковали Михайловку. Занятые перегруппировкой подразделения 287-

⁵⁶ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 114.

го СП не смогли вовремя остановить противника, и румыны броском ворвались на северную окраину деревни, где завязался упорный уличный бой.⁵⁷

В ходе продолжавшегося весь день боя румыны в конце концов окончательно выбили батальон 287-го СП из Михайловки, но взять Беляевку не смогли. Правда, их положение улучшилось и на этом участке – противник захватил высоты 45,4 и 39,7, на которых начал спешно закрепляться в ожидании советских контратак.⁵⁸

Однако контратак не последовало. Только на следующий день на рассвете подразделения 287-го полка атаковали Михайловку. Удар оказался неожиданным для противника, и его удалось выбить из села. Однако румыны уже имели на этом участке достаточно сил и, перегруппировавшись, стали пытаться восстановить положение.

К полудню 14 августа противнику удалось снова ворваться в село. Бой за Михайловку продолжался 4 часа. Чтобы предотвратить переброску командованием Чапаевской дивизии резервов к селу, румынские части одновременно нанесли и отвлекающий удар по Беляевке со стороны реки Турунчук. Однако болотистая местность затрудняла применение минометов и легкой артиллерии, и атаки противника с западного направления были легко отбиты. К вечеру румыны опять оказались выбитыми из Михайловки.⁵⁹

15 августа противник изменил направление удара, очевидно, решив, что за ночь советские войска сумели значительно укрепиться в селе. Теперь румыны решили наносить главный удар еще севернее, по селу Кагарлык. Кагарлык находился на стыке позиций 287-го и 31-го стрелковых полков. Части румынской 1-й гвардейской дивизии нанесли удар по двум батальонам 31-го стрелкового полка, опиравшимся на село. Во второй половине дня ее части вклинились между позициями 287-го и 31-го полков. Несмотря на огневую поддержку 69-го и 99-го артиллерийских полков, румынский батальон к 16.30 захватил село.⁶⁰

Командир 25-й СД полковник Захарченко ввел в бой дивизионный резерв, и к 22 часам румын удалось выбить из северной части села.⁶¹

Совместно с резервом 2-й батальон 287-го СП и 2-й батальон 31-го СП, атакуя с разных направлений, пытались захватить южную часть села. Но, несмотря на то что бой продолжался всю ночь, выбить румын с южной окраины так и не удалось.⁶²⁶³

Весь следующий день 25-я стрелковая дивизия пыталась выбить противника из Кагарлыка. Но сил для этого было явно недостаточно. Если бы оба полка дивизии заняли жесткую оборону, возможно, им удалось бы удержаться на прежних позициях при помощи поддерживающей их артиллерии. Но вместо этого 287-й полк наносил удары по противнику а 31-й, тоже периодически переходя в контратаки, пытался не допустить его дальнейшего продвижения. В результате румыны к вечеру заняли все село и, отжав полки еще дальше друг от друга, смогли продвинуться на 3 км в юго-восточном направлении.⁶⁴⁶⁵

Продвижение противника было не особенно значительным и не создавало непосредственной угрозы ни Одессе, ни Беляевке. У командования Приморской армии на этот момент было в резерве достаточно сил, чтобы наглухо запечатать прорыв, не допустив расширения его участка. Но командование армии приняло решение немедленно наступать и восстановить положение решительным контрударом. Масла в огонь подлили и руководители города и обла-

⁵⁷ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 116.

⁵⁸ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 117.

⁵⁹ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 119.

⁶⁰ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 16, л. 26.

⁶¹ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 16, л. 27.

⁶² ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 123.

⁶³ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 16, л. 28.

⁶⁴ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 125.

⁶⁵ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 16, л. 30–34.

сти, обеспокоенные не столько потерей Кагарлыка, сколько непосредственной, по их мнению, угрозой насосной станции у Беляевки, и также требовавшие исправить положение.

Для исправления положения командующий армией генерал-лейтенант Софронов создал ударную группу, в которую были включены 1-я кавалерийская дивизия, 90-й стрелковый полк 95-й дивизии и усилившие их 5 недавно починенных в Одессе легких танков.⁶⁶

Она должна была сосредоточиться в районе хутора Дар Природы – село Зисарево и оттуда атаковать противника в направлении Кагарлык – Граденицы. Командование группой возлагалось на командира 95-й дивизии генерал-майора Воробьева, нанесшего накануне в Западном секторе чувствительное поражение 3-й пехотной дивизии румын.⁶⁷

Объяснить назначение Воробьева чем-то иным, кроме достигнутого им успеха, трудно. Его собственная дивизия в это время отбивалась от крупных сил противника, и положение ее было более чем напряженным. После того как 90-й стрелковый полк временно перебросили в Южный сектор для участия в контрударе на 25-километровом фронте, два полка и один пулеметный батальон 95-й стрелковой дивизии противостояли 5 румынским дивизиям.⁶⁸ Для прорыва же фронта на участке дивизии румынам могло хватить и всего трех дивизий первого эшелона.

На участке контрудара уже имелись два командира дивизий, которым можно было поручить командование ударной группой. Но кандидатуры полковника Захарченко, командовавшего Чапаевской дивизией, и генерал-майора Петрова, командовавшего 1-й кавалерийской дивизией, не устроили Софронова. Возможно, потому, что Петров в последние дни находился в резерве и не успел еще приобрести на Одесском плацдарме значительного опыта, а дивизия Захарченко отдала противнику Кагарлык.

Сам Воробьев, правда, командовал дивизией всего 5 дней, но за это время наступавшие на его позиции румыны успели понести такие потери, что по его приказу ночью перед румынскими позициями был установлен щит с надписью:

«Командиру 3-й пехотной дивизии. Советское командование предлагает вам 16 августа с 12 до 16 часов убрать трупы и своих раненых солдат и офицеров. В это время наши войска не будут вести огонь».

Чапаевская дивизия получила задачу, удерживая занимаемый рубеж, контратаковать противника в направлении западной окраины Кагарлыка. Для ее усиления были выделены из состава Восточного сектора танковый взвод, один дивизион 69-го артиллерийского полка и одна батарея 134-го гаубичного полка.⁶⁹

В Южный сектор был направлен и 136-й запасной стрелковый полк. Он получил приказ к 6 часам 17 августа занять и оборонять промежуточный рубеж на линии Карсталь – Фрейденталь, не допуская прорыва противника в направлении Вакаржаны – Дальник. Ввиду того, что полк являлся по существу учебным и занимался подготовкой пополнения из призываемых одесситов, он не имел тяжелого вооружения, положенного по штату стрелковому полку, и его активное участие в боевых действиях не предполагалось.

Необходимая для выполнения поставленных командованием задач перегруппировка войск была проведена в течение ночи на 17 августа.⁷⁰

⁶⁶ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 10, л. 13.

⁶⁷ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 16, л. 35.

⁶⁸ В первом эшелоне 3-я и 7-я пехотные, а также часть 1-й гвардейской дивизии, во втором – 5-я и 11-я пехотные.

⁶⁹ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 127, 128.

⁷⁰ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 16, л. 36.

Контрнаступление Воробьева (17–18 августа)

Контрудар группы Воробьева начался «точно по расписанию». Собственно, это было единственным в ходе операции, что удалось сделать по разработанному плану. В Одессе остро ощущался снарядный голод. Боеприпасы, необходимые для проведения артподготовки, предстоящей контрудару, были доставлены из Севастополя для экономии времени не транспор- тами, а на двух новых быстроходных эсминцах-«семерках». «Беспощадный» и «Безупречный» шли самым полным ходом, форсируя котлы так, что обгорали трубы. Однако большую часть боеприпасов, вовремя доставленных в Одессу, на передовую из-за нехватки автотранспорта до начала артподготовки подвезти не успели. В результате время проведения артподготовки было сокращено, а расстояние до Одесского залива оказалось слишком велико, чтобы можно было использовать 130-мм орудия новых эсминцев. Поддержка авиации также оказалась неэф- фективной, так как штурмовка вражеских позиций производилась лишь истребителями 69- го ИАП. Оба полка 1-й кавалерийской дивизии Петрова, двигавшиеся в пешем порядке, к началу контрудара опоздали.⁷¹

Огневые точки противника, не подавленные ни артиллерией, ни авиацией, вели интен- сивный огонь, нанося наступающим частям значительные потери, постоянно прижимая их к земле и сильно замедляя темп наступления. Провести повторную штурмовку вражеских пози- ций не позволили истребители противника, прикрывавшие деревню и, в свою очередь, активно штурмовавшие наступавшие советские части. Низкий темп наступления позволил румынам во время подтянуть к месту боя резервы.⁷²

Первые контрудары противник начал наносить по флангам наступающих еще в первой половине дня, стараясь замедлить их продвижение в центре. При этом исключительную актив- ность проявляла вражеская авиация – за день было отмечено до 100 одиночных и групповых налетов, в основном бомбардировщиков Ю-88 и истребителей МЕ-110 и МЕ-109, бомбивших и штурмовавших наступающие части со всех высот, вплоть до бреющего полета.⁷³

Полки Чапаевской дивизии, понесшие накануне большие потери при попытках отбить Кагарлык собственными силами, не могли эффективно атаковать даже при поддержке тан- ков. Прекратив контратаки, они сами с трудом сдерживали натиск противника. На участке 287-го СП румынам удалось отбросить одну из стрелковых рот и выйти в тыл 1-й батареи 69-го артиллерийского полка. Обойдя батарею с левого фланга, противник открыл по ее рас- положению сильный пулеметный огонь. Командовавший батареей младший лейтенант Лысый сумел развернуть орудия по направлению к пулеметам и отбросил противника огнем прямой наводкой, после чего отошел на новую позицию.

Бой шел практически на уничтожение и отличался настолько большим ожесточением, что командование Приморской армии даже упомянуло об этом в своем донесении командова- нию Южного фронта: *«В р-не Кагарлык весь день идет исключительно напряженный бой, обе стороны несут значительные потери от огня минометов, артиллерии и авиации»*.⁷⁴

После того как в артполки были подвезены остававшиеся снаряды, советские орудия повели интенсивный огонь по частям противника, оборонявшим село, и к 13 часам батальон 90-го СП ворвался на южную окраину Кагарлыка.⁷⁵

⁷¹ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 129.

⁷² ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 16, л. 39.

⁷³ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 131.

⁷⁴ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 16, л. 41.

⁷⁵ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 129.

Полностью Кагарлык удалось занять лишь около 16 часов, после почти 10-часового боя, когда в бой за село был введен 2-й батальон 31-го СП. После взятия села батальоны короткое время пытались продолжать движение вперед, однако части ударной группы генерал-майора Воробьева понесли во время длительного боя за село слишком большие потери и были быстро остановлены противником. Для всех, и в том числе для румын, стало понятно, что части ударной группы окончательно утратили пробивную способность. Полки же 25-й дивизии, поддерживавшие группу слева, утратили ее еще раньше. Воробьев приказал прекратить наступление и перейти к обороне на занятых позициях. Однако сил прочно закрепиться в Кагарлыке уже не было. Обстановка стала быстро ухудшаться.

В течение дня румыны успели сориентироваться в ситуации, правильно оценить сложившуюся обстановку, а затем и воспользоваться ей. Румынские удары стали наноситься на все больших участках фронта. Помимо атак на Кагарлык румыны снова начали отвлекающие удары на Беляевку, которые из-за благоприятной для обороны местности опять удалось отразить даже измотанным частям 25-й дивизии. Незначительно продвинуться противнику удалось только несколько южнее Кагарлыка.

Одновременно румыны продолжали сосредоточивать в Западном секторе силы для крупного наступления. Авиаразведка засекла днем переброску в район Раздельной мотобригады. По замаскированным танкам нанесли удар гидроэскадрильи Черноморского флота, базировавшиеся на гидроаэродроме в Хаджибейском лимане, а вечером генерал-майор Воробьев, опасаясь, что наступление противника может начаться ночью, отбыл обратно в Западный сектор.

Отъезд Воробьева, конечно, никак не мог повлиять на тяжелую ситуацию в Южном секторе в лучшую сторону, и к 23.00 румыны снова ворвались в Кагарлык. Части ударной группы, не удержав село, смогли, однако, остановить дальнейшее продвижение противника в районе высоты 114,6, взять которую румынам пока не хватало сил. Удар по ней румыны смогли нанести лишь силами всего двух рот, и атака было легко отбита. После этого «центр тяжести» румынских ударов снова стал смещаться южнее Кагарлыка на рубежи ослабленной 25-й дивизии.⁷⁶

Однако 18 августа в 8.00 утра 25-я СД при поддержке 90-го СП и отряда из 5 танков попыталась перейти в наступление «с целью уничтожения Кагарлыкской группировки противника».⁷⁷

Эта повторная попытка контрудара имела роковые последствия для положения в Южном и Западном секторах, а по существу – и для всей обороны города. Обескровленные вчерашним наступлением части не смогли продвинуться вперед и под огнем противника быстро вернулись на исходные позиции.

С 10 часов утра упоминание о начавшемся наступлении волшебным образом исчезло из армейских оперсводок и превратилось в *«напряженный бой с превосходящими силами противника, развивающего наступление на Карсталь»*.⁷⁸

Никакого наступления противник в этот день еще не вел, но легко отразив попытку 25-й дивизии перейти в наступление, начал наносить контрудары силами 1-й гвардейской дивизии, поддерживаемой 2-м погранполком и к 18.00 продвинулся на 1–2 км в сторону Беляевки, но развить успех пока не мог.⁷⁹

Втянувшиеся в поспешный и плохо подготовленный контрудар по Кагарлыку и до того ослабленные части 25-й дивизии, потеряв в боях 17 августа много бойцов, уже не могли удерживать и собственный участок фронта. Однако ни командование Приморской армии, ни

⁷⁶ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 16, л. 42.

⁷⁷ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 16, л. 46.

⁷⁸ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 133.

⁷⁹ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 16, л. 49.

командование образованного 19 августа Одесского оборонительного района, занятые исправлением положения в Западном и Восточном секторах, не перебросили ни одной части для ее усиления, считая, что дивизия в состоянии удерживать фронт. Правда, несмотря на снарядный голод, артполкам дивизии подвезли 1000 76-мм выстрелов из остатков запаса Тираспольского укрепрайона и 90-й СП приказом командарма придали 25-й СД. Но эти меры после понесенных Чапаевской дивизией и 90-м СП потерь были явно недостаточны.

К вечеру командир 25-й дивизии полковник Захарченко получил «утешительный» приказ командарма Софронова – Кагарлык не занимать, а удерживать Беляевку, опершись на господствующие высоты. Приказ уже не соответствовал сложившейся обстановке, не случайно в нем же комдиву предписывалось «решительными мерами приостановить отход».⁸⁰

После того как дневные удары противника были отбиты, а ночных атак он предпринимать не стал, у командования Приморской армией еще оставалось время на исправление положения. Пользуясь темнотой, части сектора могли сняться с занимаемых позиций и тихо отойти, как это было сделано в ночь на 10 августа. Но тогда пришлось бы отводить и части 95-й СД, у которой после отхода левого соседа неизбежно бы оголился левый фланг. И тогда пришлось бы сдать противнику Беляевку с водонапорной станцией «Днестр». Части сектора остались на занимаемых позициях.

⁸⁰ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 135.

Катастрофа в южном секторе (19 августа)

Катастрофа разразилась утром 19 августа, когда румыны возобновили наступление и стали все больше отжимать части 25-й дивизии от Кагарлыка в направлении на Карсталь.⁸¹

Поначалу натиск румын не вызвал особого беспокойства у штаба армии, занятого в этот момент передачей управления войсками командованию созданного в этот день директивой Ставки Одесского Оборонительного района, хотя уже к 10 часам утра румыны в очередной раз заняли Михайловку и высоту 116,5.

25-й дивизии дополнительно передали 136-й запасной полк, насчитывавший около 4 тысяч человек, большинство из которых не имели достаточной подготовки.

2 батальона полка командир дивизии полковник Захарченко сосредоточил за Кагарлыком, а одним прикрыл участок между Карсталем и Фрейденталем.⁸²

После появления на передовой свежих сил наступление противника прекратилось.

Однако затишье оказалось недолгим. Проведя быструю перегруппировку, румыны снова изменили направление главного удара и крупными силами, введя в бой 1-й и 2-й погранполки, в 15.40 начали наступление из района северо-восточнее Беляевки, на участок Карсталь – Фрейденталь, прикрываемый одним батальоном 136-го запасного стрелкового полка.⁸³

Батальон вынужден был начать отход, и румыны заняли высоту 102,6, являвшуюся ключевым пунктом его позиций и прикрывавшую направление на Беляевку. Опасаясь больше всего прорыва противника к Беляевке на этом участке, Захарченко оголил позиции перед Кагарлыком, бросив к высоте два других батальона 136-го запасного полка.

Румыны не ожидали от командования дивизии подобного безрассудства. Атака на высоту была успешной и оказалась для румын неожиданной до такой степени, что на высоте во время боя попали в плен майор и капитан со штабными документами 1-й пограндивизии.

После этого румыны, легко прорвав оборону частей дивизии под Кагарлыком, стали обходить высоту 102,6 с северо-запада. 136-й запасной полк не имел приданной артиллерии и, не имея возможности сдерживать противника на дальних и средних дистанциях, нес большие потери в ближнем бою.

Видя, что высота будет неизбежно потеряна, Захарченко бросил к ней часть сил соседнего, 287-го СП и разведывательный батальон дивизии, имевший бронетехнику. В ходе 4-часового боя 136-й и 287-й полки были почти уничтожены, по донесению штаба армии «в ротах осталось не более 25–30 человек». За один день боев оба полка дивизии и запасной полк понесли потери в несколько раз большие, чем днем раньше 95-я дивизия во время отражения румынского наступления в Западном секторе, которое поддерживало около 60 танков.

Разведывательный батальон также понес тяжелые потери, особенно в технике, потеряв все свои плавающие танки и 3 бронемашины из 7.⁸⁴

136-й полк оборонял высоту, находясь в полуокружении до тех пор, пока полностью не утратил боеспособность. Почти все офицеры и младшие командиры, единственные в полку имевшие достаточные подготовку и опыт, погибли или были ранены в бою, пытаясь спасти своих бойцов как и штаб полка, который *«почти полностью был выведен из строя»*, командир полка был ранен. Оставшиеся без командования необученные бойцы, видя такое поведение

⁸¹ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 1–2.

⁸² ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 16, л. 55.

⁸³ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 136.

⁸⁴ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 138.

своих командиров и не имевшие уже возможности вести организованный бой, не сдались в плен и не побежали в тыл, а отправились искать ближайшие части, что впоследствии нашло свое отражение в донесении штаба армии: *«полк понес тяжёлые потери не только убитыми и ранеными, но и разбежавшимися по другим частям, что следует объяснить тем, что отсутствовало руководство»*.⁸⁵

В 20.00 полковник Захарченко доложил в штаб армии, что *«136 зап. полк отброшен противником на вост. Скаты выс 102,6. Подразделения деморализованы, управление потеряно. 287-й СП также отошел и остатками ведет бой на рубеже 300–400 м западнее Красный маяк»*.

После такого доклада в дивизию помчались *«ответственные представители штаба и политотдела»* Приморской армии, но скоро выяснилось, что «привести в порядок подразделения» они не могут.

За сутки в госпитали ООР из Южного сектора поступило около 2000 раненых. В ротах всех трех полков оставалось по 25–30 бойцов. Защищать Беляевку было уже нечем, и румыны в 21.30 заняли ее без тяжелых боев, ворвавшись в нее с тыла, после чего подача воды с насосной станции была окончательно прервана.⁸⁶

Вообще информация о последних днях работы станции «Днестр» довольно противоречива.

По одним данным, станция работала до захвата Беляевки и была отключена румынами. По другим, она была отключена еще 11 августа, затем возобновляла свою работу с 14-го по 17-го августа и в конечном итоге была частично выведена из строя 19 августа жителем Беляевки Александром Тиосаэ.

Так или иначе, захват водонапорной станции в Беляевке привел к дефициту питьевой воды, добывавшейся теперь из артезианских скважин. В городе были введены карточки на воду.

В армейских частях проблему старались частично решить опреснением морской воды. Приказом командования ООР от 24 августа *«войсковым частям при операциях в прибрежной морской зоне и отсутствии источников пресной воды» предписывалось «для варки пищи, питья и для технических целей использовать морскую воду»*.⁸⁷

Для борьбы с нехваткой питьевой воды санитарный отдел ООР разработал упрощенный порядок опреснения воды: в морскую воду добавляли пищевую соду (5 г на литр) кипятили, полчаса отстаивали до появления осадка, а потом сливали верхний слой и использовали его как годный. Овощи варили прямо в соленой воде. Также пытались разводить соленую воду питьевой в равных пропорциях, обеззараживая ее пантоцидом.⁸⁸

Командир Чапаевской дивизии полковник Захарченко, несмотря на понесенные потери, стянул все остававшиеся в Южном секторе силы к Беляевке и попробовал вернуть поселок обратно. В бесполезных контратаках дивизия понесла еще большие потери. Ее части, и так уже полностью утратившие пробивную способность, потеряли теперь и устойчивость в обороне. Румыны контратаковали остатки полков, опрокинули их и погнали назад, делая попытки расчленив и окружить их по отдельности. Части дивизии уже не могли не только закрепиться на каких-то позициях, а просто оторваться от противника.

Фронт обороны сектора оказался не только прорван, он полностью рухнул. Отход остатков дивизии все больше напоминал бегство. Оценив ситуацию, румыны прекратили преследование разбитых частей и сосредоточились на обходе левого фланга Западного сектора.

⁸⁵ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 332.

⁸⁶ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 139.

⁸⁷ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 3, л. 30.

⁸⁸ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 3, л. 31.

Под угрозой выхода противника в ее тыл 95-я дивизия, до этого сумевшая в жестоких боях отстоять свои позиции от всех атак противника, теперь вынуждена была оставить их без боя и начать отход на запасные рубежи.

Генерал-майор Воробьев, дивизия которого сумела прочно укрепиться на занимаемом рубеже, возражал против такого решения. Ему казалось, что после вчерашнего удачного боя под Карпово, в котором его дивизия не понесла значительных потерь, есть возможность нанести удар во фланг румынской группировке и восстановить положение. Но командующий армией наконец отказался от практики контрударов недостаточными силами. В 23.55 командованием только что образованного Одесского оборонительного района было признано что фронт армии прорван противником, и был отдан приказ об отходе на новый оборонительный рубеж.

БОЕВОЙ ПРИКАЗ № 002/ОП

ШТАБА ОДЕССКОГО ОБОРОНИТЕЛЬНОГО РАЙОНА

Г. ОДЕССА 19.8.41 г. 23.55

Карта 100 000

Пр-к, прорвав фронт на участке КАГАРЛЫК, БЕЛЯЕВКА, введя в бой новые крупные силы, продолжает наступать в восточном направлении.

Войска Одесского Оборонительного района продолжают выполнять ранее поставленные задачи.

ПРИКАЗЫВАЮ:

а) Начальнику Восточного сектора комбригу Монахову, продолжая выполнять прежнюю задачу, оборонять рубеж ГРИГОРЬЕВКА, 59.8, 37.5, 41.7, 55.1, 69.7, 52.1, 20.0, 52.1, д. ИЛЬИНКА(искл), ЧЕБОТАРЕВКА.

Граница слева – прежняя.

Штаб сектора – Лузановка

1 морской полк отвести в мой резерв, перебросив автомашинами в р-н пос. ЗАСТАВА к 7.00 20.8.41 г.

б) Западный сектор – 95 СД с приданным БЕПО № 1 к 8.00 20.8.41 г. отойти и занять для обороны рубеж: ПАЛИОВО, ВЫГОДА, х ПЕТРОВСКИЙ перекресток узкоколейной ж.д. и тракта, что в 1,5 км сев. Карсталь. Отход произвести под прикрытием сильных арьергардов. Граница слева перекресток узкоколейной ж.д. и тракта, ВАКАРЖАНЫ, ст. ЗАСТАВА, ОТРАДА.

Штадив ГНИЛЯКОВО.

в) Южный сектор – 25 СД, прикрываясь арьергардами, к 8.00 20.8.41 г. занять и оборонять рубеж искл. перекресток узкоколейной ж.д. и тракта, КАРСТАЛЬ 32.9, 94.2, 98.9, виноградники 1 км сев. зап. МАЯКИ, МАЯКИ, ОВИДИОПОЛЬ, КАРОЛИНО-БУГАЗ

Штадив ДАЛЬНИК.

2) 1 к.д. к 2.00 20.8.41 г. занять и оборонять рубеж искл. 54.7, КАРСТАЛЬ, от м +0.3 принять на себя отходящие части 25 СД, с выходом которых сосредоточиться в армейском резерве в районе:

ПОС. ЗАСТАВА, ДАЛЬНИК, ТАТАРКА, штадив пос. ЗАСТАВА

Вести разведку направления выс. 102.6 и активными действиями сковывать противника, задерживая его продвижение на восток.

д) Батальону ВНОС занять и оборонять рубеж искл. Отм. +03, 942 прикрывать отход 287 СП, с приходом которого перейти в армейский резерв, сосредоточившись в р-не СВХ УЛЬЯНОВКА.

Оборонительный рубеж занять к 2.00 20.8. 41 г.

Тыловая граница войсковых частей г. Одесса.

Получение приказа и начало его исполнения донести.

*Командующий Одесским Оборонительным р-м Комиссар
Контр-адмирал Жуков, полковой комиссар Дитятковский*

*Начальник штаба
Генерал-майор Шишенин⁸⁹*

В силу того, что в день прорыва фронта шло создание новой организационной структуры – Одесского Оборонительного района, и не было ясно, сохранится ли Приморская армия как оперативно тактическая единица, его вновь назначенное командование отдало этот приказ без согласования с командующим Приморской армией, непосредственно командирам всех дивизий и сводного отряда. В результате рубежи отхода, назначенные для частей, не соответствовали их возможностям. Решение о выводе 1-й кавдивизии Петрова из армейского резерва в Южный сектор было принято слишком поздно. С его принятием командование ООР медлило весь день. Сперва в сектор решено было направить лишь 3-й КП и только поздно вечером – два остальных полка дивизии.

Уже через 5 минут после получения приказа обе дивизии Приморской армии начали отход.

⁸⁹ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 5, лл. 3–4.

Последствия катастрофы (20–22 августа)

Выполнение приказа № 02 штаба ООР о вынужденном отходе создало новые проблемы в Южном секторе. Полностью сохранившая боеспособность 95-я СД отошла на новый рубеж в полном порядке, прикрываясь сильными арьергардами, опередившими на хутор Виноградарь и на Васильевку, которые без особых проблем отразили две попытки румын атаковать отходящие части. Заняв новый рубеж на линии Палиово – Выгода, Петровский и Березень, части приступили к оборудованию новых оборонительных позиций.

25-я же дивизия закрепиться на назначенном ей новом рубеже по линии Карсталь – выс. 32.9 – выс. 94.2, 98.9 – Маяки самостоятельно уже не могла.⁹⁰

После того как Захарченко в последней отчаянной попытке спасти положение под Беляевкой стянул к ней все части, по сути оголив фронт, оба полка дивизии вынуждены были отходить не по предписанным им маршрутам, а в любых направлениях, позволявших выйти из-под ударов противника. В результате, как писал впоследствии заместитель начальника штаба дивизии Ковтун-Станкевич «...в пылу боя части перемешались... при отходе полки поменялись местами». 31-й СП оказался отброшенным в сторону Днестра и смог закрепиться только в районе южнее и юго-западнее Фрейденталя. 287-й СП, отходивший вместе с остатками 136-го запасного СП, наоборот, отступал в северо-восточном направлении и смог укрепиться в районе хутора Красный Переселенец, оказавшись теперь левым соседом 95-й СД.

Дивизия смогла оторваться от противника и прекратить отход лишь на рубеже Красный Переселенец – южная окраина Фрейденталя – Петерсталь – Маяки, зацепившись за эти населенные пункты, что было ближе к городу, чем рубеж, который был указан для войск Южного сектора в приказе командующего ООР. Спонтанно образовавшийся новый оборонительный рубеж совершенно не был оборудован в инженерном отношении, что затрудняло его удерживание. Линия фронта в Южном секторе опять образовала опасный выступ, направленный теперь в сторону Дальника. Срезать этот выступ имеющимися силами было нереально даже теоретически, но командование ООР, не терявшее оптимизма, решило, что в сложившейся ситуации стоит попробовать его хотя бы уменьшить.

Восстановить боеспособность частей 25-й СД по-прежнему не удавалось.

Для обеспечения ее отхода был выдвинут в район хутора Красный Переселенец один из последних резервов армии – 45-й батальон ВНОС, бойцы которого раньше несли службу за Днестром, и без которых в системе ПВО города все-таки можно было обойтись. С приходом частей дивизии в район сосредоточения батальон выведен в тыл не был, а занял рубеж между Красным Переселенцем и Петерсталем. В дальнейшем батальон так и остался на передовой и в конце концов был преобразован в стрелковый.

Во время отхода частей ООР на новые рубежи помимо потерь вооружения образовались и большие потери телефонного кабеля. Они приняли настолько широкие масштабы, что в приказе по ООР № 12 от 2 сентября специально обращалось внимание на то, что *«за истекший период боевых действий в ряде частей имелись случаи больших, ничем не оправданных потерь телефонного кабеля»; вопрос стоял настолько остро, что в конце концов было решено «оставление на поле боя телефонного кабеля, и аппаратуры приравнять к утрате боевого оружия».* Одновременно был организован *«сбор бездействующего телефонного кабеля на улицах города, в учреждениях и тыловых частях, укомплектовывая собранным кабелем дей-*

⁹⁰ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 16, л. 52.

ствующие части». Также часть кабеля была изъята из ОВМБ, 15-й бригады ПВО и из тыловых частей Одесского гарнизона.⁹¹

У командования ООР, безуспешно пытавшегося стабилизировать ситуацию в Южном секторе, возникли серьезные опасения, что в случае если остановить румынское наступление не удастся, противник сможет выйти и на окраины Одессы. Командующий ООР контр-адмирал Жуков отдал распоряжение о срочном завершении подготовки города к уличным боям:

«1. Закончить все работы по баррикадированию улиц города Одессы:

а) Внешнего обвода оборонительного рубежа, прилегающего к окраине города – 23.8—41 г.

б) Внутренней части города – 25.8—41 г.

2. Баррикады, построенные из гранитного камня, одеть мешками с песком.

3. Все баррикады, построенные с активной задачей, приспособить для ведения огня из них и из прилегающих к ним зданий.

4. Ширококолейную трамвайную магистраль проверить и сделать ее пригодной для действий бронепоезда.

*5. Для выполнения всех работ в указанный срок через представителей районной власти и партийных органов мобилизовать все население и местный транспорт».*⁹²

1-я кавдивизия, прибыв в Южный сектор, оказалась не в состоянии удержать ни Карсталь ни перекресток шоссе с узкоколейной железной дорогой.⁹³

В этой обстановке командование ООР приняло решение о смене начальника Южного сектора как не способного справиться с ситуацией и о восстановлении положения в районе Карсталья.

Особой необходимости в этом не было, так как – с Карсталем или без него – ни ширина, ни глубина образовавшегося выступа существенно не менялись. Но Карсталь был удобным местом для нанесения контрудара. С одной стороны, он находился на стыке участков остановившейся перед частями западного сектора 1-й гвардейской дивизией румын и продолжавшей наступление на части южного сектора⁹⁴ 21-й пехотной дивизией, части которой были растянуты, а тылы и артиллерия отставали от продвигавшихся быстрее передовых подразделений. С другой стороны, нанося удар на этом участке Южного сектора, 1-я кавалерийская дивизия рисковала меньше, чем где бы то ни было, так как в этом случае хотя бы ее правый фланг обеспечивался частями Западного сектора, куда успел отступить переброшенный в свое время из него же 90-й СП. Единственной пользой от такого контрудара могло быть отвлечение в его район румынских войск и замедление темпов их наступления.

В 15.05 генерал-майору Петрову был отдан приказ о наступлении.

20.08.41 г. 15.05

Г. ОДЕССА

⁹¹ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 3, л. 44.

⁹² ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 5117, д. 2, лл. 187–188.

⁹³ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 143.

⁹⁴ Вернее, гнавшей их перед собой.

ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ ТОВ. ПЕТРОВУ

КОМАНДУЮЩИЙ ПРИКАЗАЛ:

ПЕРВОЕ: Подчинив себе 90 СП ударом во фланг силами 1 кд и 90 СП восстановить положение районе КАРСТАЛЬ.

ВТОРОЕ: ЗАХАРЧЕНКО решением военсовета освобожден от обязанностей командира 25 СД.

Вам приказано вступить в командование 25 СД

Командиром 1 кд назначается полковник РЯБЧЕНКО.

ТРЕТЬЕ: Вам объединить под своим командованием 25 СД и 1 КД, оборонять рубеж (иск.). Перекресток узкоколейки и шоссе КАРСТАЛЬ – ФРЕЙДЕНТАЛЬ – МАЯКИ – КАРОЛИНО-БУГАЗ.

ЧЕТВЕРТОЕ: По восстановлении положения в районе КАРСТАЛЬ 1 кд и не менее одного стрелкового батальона отвести в резерв.

НАЧАЛЬНИК ОПЕРАТИВНОГО ОТДЕЛА

ПОЛКОВНИК КРЫЛОВ⁹⁵

Полковник Захарченко был снят военным советом ООР с должностей начальника Южного сектора и командира 25-й стрелковой дивизии «за потерю управления войсками», вместе с ним был снят и комиссар дивизии полковой комиссар Мошков. Новым комдивом и начальником Южного сектора был назначен генерал-майор Петров, комиссаром дивизии был назначен бригадный комиссар Степанов.

1-ю кавалерийскую дивизию временно возглавил ее начальник штаба полковник Рябченко. Но она не вышла из подчинения Петрова, так как 25-я дивизия до получения пополнения по-прежнему была небоеспособна. Для восстановления положения в Южном секторе под командованием Петрова объединялись обе эти дивизии с добавлением 90-го стрелкового полка из 95-й СД.

Однако если со сменой командования Южным сектором особых проблем не возникало, то восстановить положение под Карсталем оказалось значительно сложнее. Понимая, что время сейчас работает против него, генерал-майор Петров действовал молниеносно.

Через три часа после получения этого распоряжения дивизия, завершив сосредоточение на исходных позициях и развертывание в боевые порядки, перешла в наступление на северную окраину Карсталя с двух направлений – от хуторов Березень и Новобеляевка. Но как быстро ни действовал Петров, румыны успели стянуть к Карсталию достаточно сил, и наступление успеха не имело. Противник контратаковал, и части дивизии, не сумев зацепиться и за свои исходные позиции, отошли до хутора Вакаржаны, где смогли наконец занять оборону. Повторных попыток Петров не предпринимал, доложив обстановку командованию. Командование ООР задачу не отменило, лишь отодвинув сроки ее выполнения. Теперь войска Южного сектора должны были «восстановить положение» к утру 21-го августа.⁹⁶

К утру обстановка успела измениться настолько, что вопрос о взятии Карсталя больше не ставился, хотя части 1-й кавдивизии находились недалеко от его окраин.

⁹⁵ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 5, л. 11.

⁹⁶ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 145.

Вечером 20 августа три самолета противника сбросили небольшой тактический десант в тылу 105-го саперного батальона, оборонявшего Маяки. Отрезанный от подразделений еще не пришедшего в себя после разгрома под Беляевкой 287-го СП, батальон всю ночь вел бой в окружении. Положение его было крайне тяжелым – радио и телефонной связи с командованием сектора он не имел, а локтевая связь с 287-м СП была прервана. Ожесточенный ночной бой на левом фланге, по-видимому, не вызвал у Петрова желания уточнить обстановку. До утра командование сектора вообще ничего не знало о происходящем. На рассвете, потеряв к этому времени почти всех командиров и большую часть личного состава, остатки батальона, которыми после гибели командира батальона и ротных командовал командир взвода младший лейтенант Кныш, отчаянным ударом вырвались из окружения.

В расположении 287-го стрелкового полка героически дравшихся с врагом бойцов встретили отнюдь не с распростертыми объятиями. В дневном донесении в штаб ООР Петров сообщил, что «9-я саперная рота из Маяки самовольно ушла и оказалась в Гросс-Либенталь».

В произошедшем Петров, занятый отражением дневных атак румын, смог разобраться только к вечеру. В 23.15 в очередном донесении в штаб армии он доложил о произошедшем прошлой ночью и сообщил, что «на Маяки выделена рота с задачей совместно с остатками 105-го ОСБ восстановить положение».⁹⁷

Румыны, проведя за ночь перегруппировку и сосредоточив растянувшиеся во время наступления войска, с рассветом возобновили наступление на части южного сектора, пытаясь углубить образовавшийся выступ, который после ночного взятия Маяков уже больше напоминал дугу.⁹⁸

Наиболее ожесточенные бои развернулись за Фрейденталь, который дважды переходил из рук в руки. Одновременно румыны одним батальоном наносили отвлекающий удар на хутор Дальницкий. Батальон продвигался вперед довольно неспешно и после нанесения по нему артиллерийского удара остановился на почтительном расстоянии от советских позиций.

В 12.00 еще один удар, на этот раз значительно более серьезный, был нанесен по стыку с 95-й дивизией в направлении Вакаржан. На этом участке румыны ввели в бой до трех батальонов пехоты и кавалерийский полк. После трех часов ожесточенного боя румыны заняли высоту 63,3. Оборонявший высоту 7-й кавалерийский полк и размещенная на высоте противотанковая батарея начали отход в глубь оборонительного участка.

К вечеру 21 августа командование армии пришло к выводу, что измотанные и обескровленные части Южного сектора не смогут удержать занимаемый неукрепленный рубеж, и в 18.20 отдало распоряжение о немедленном отходе на рубеж хутор Вакаржаны – высота 80,0 – Петерсталь – Францфельд, на котором имелись оборонительные сооружения.⁹⁹

На то, чтобы добраться до нового рубежа, у 25-й СД ушла вся ночь, так как оторваться от противника она снова не смогла. Части дивизии, усиленные одним батальоном полка НКВД, переброшенным из Восточного сектора, медленно пятились к назначенным им позициям, ведя непрерывный бой с преследующими их частями 21-й пехотной дивизии румын.¹⁰⁰

Для усиления обороны сектора в него были направлены 2 дивизиона 15-й бригады ПВО, отряды ополченцев и часть тыловых подразделений армии.

В начале дня кавалерийская дивизия опять вела бои в неполном составе. Накануне ее 5-й полк был выведен в резерв, но в связи с непрекращающимся давлением противника к вечеру был снова введен в бой.¹⁰¹

⁹⁷ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 149.

⁹⁸ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 9—10.

⁹⁹ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 12.

¹⁰⁰ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 152.

¹⁰¹ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 13.

Встретив полк еще на марше, Петров взял у его командира капитана Блинова планшет, прямо на его карте написал боевой приказ, потребовав через 45 минут вступить в бой. Ни до, ни после Петров не бросал кавалерийские полки в дневной бой так, как ему приходилось это делать 21 и 22 августа в Южном секторе.

В светлое время суток кавалерия была особенно уязвима для авиации и артиллерии противника. Но другого выхода не существовало – если бы части Южного сектора не смогли закрепиться на укрепленных позициях, противник смог бы прорваться к городу, так как дополнительных сил, способных остановить его продвижение в распоряжении командования ООР в этот момент не было. По сути рубеж Вакаржанык – высота 80,0—Петерсталь – Францфельд являлся последним шансом стабилизировать оборону на относительно безопасном расстоянии от города и порта.

Критичность событий, происходивших в этот день в Южном секторе, не укрылась и от командующего Юго-западным направлением маршала Буденного. Семен Михайлович отреагировал на происходившие в Южном секторе события с кавалерийской прямоотой, в своем приказе № 0406 откровенно предупредив командование Приморской армии об их ответственности за оборону города:

«Еще раз приказываю ОДЕССУ не сдавать, занятые позиции оборонять при любых условиях. Военный совет Приморской армии за выполнение этого приказа отвечает головой. ЧФ вам помогает во всех отношениях.

*Потребуйте решительного выполнения приказа НКО СССР № 270, подчините себе вооруженные силы».*¹⁰²

В этих боях кавдивизия, как и присланные в сектор ополченцы и тыловики, не имевшие необходимого боевого опыта, понесли большие потери, но стоявшая перед сектором задача была выполнена. Части 25-й СД успели закрепиться на новых позициях.

¹⁰² ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 6, л. 36.

На новом рубеже (23 августа)

Достигнув укрепленных позиций, части смогли наконец закрепиться и стали прочно удерживать занятый рубеж. При этом 31-й СП занял позиции на левом фланге сектора от Петерсталя до Францфельда, 287-й полк – в центре от Петерсталя до Красного Переселенца в батальон НКВД – на правом фланге от Красного Переселенца до Вакаржан.¹⁰³

Румынское командование также прекрасно понимало значение боев, происходивших в Южном секторе, для всей обороны города, и после того как попытка прорвать новый оборонительный рубеж с ходу успеха не имела, решило атаковать круглосуточно, чтобы окончательно обескровить части, защищающие Южный сектор.¹⁰⁴

Однако направление этих атак было выбрано неудачно. Румынское командование переоценило собственные силы и стало наносить удары в стык между Южным и Западным секторами, как двумя сутками раньше это сделало советское командование. Части Южного сектора были несколько потеснены назад, но значительно более боеспособный 90-й СП смог удержать свои позиции.¹⁰⁵

Более успешными оказались действия румын на левом фланге сектора, где они нанесли удар в стык между 31-м и 287-м полками, пытаясь занять Петерсталь. 31-й полк, попятившийся назад, по укоренившейся у командования армии привычке начал немедленно пытаться вернуть утраченные позиции. Впрочем, его атаки не носили упорный характер, и больших потерь он не понес.¹⁰⁶

Вялые контратаки полка не произвели особого впечатления на румын и длились недолго.

Во второй половине дня румыны снова возобновили атаки на стыке 31-го и 287-го полков. Наступление противника оказалось плохо организовано и проводилось недостаточными силами.¹⁰⁷

Подразделения обоих полков, потесненные на некоторых участках, тут же переходили в контратаки с любых удобных в этот момент направлений, нанося по противнику фланговые удары. К месту румынского удара Петровым были переброшены подразделения 1-й кавалерийской дивизии. Бой принял маневренный характер, отличаясь при этом крайней ожесточенностью. Батальон 6-го пехотного полка 14-й румынской пехотной дивизии был окружен и разгромлен в р-не высоты 80,0. В свою очередь один из эскадронов 1-й кавдивизии был окружен в районе высоты 76,3 и *«частью уничтожен, частью попал в плен, вырвалось всего 13 человек»*.¹⁰⁸

Много шума наделала атака батальона того же 6-го полка румын на стыке 287-го и 31-го полков 25-й Чапаевской дивизии, произведенная в 19.00, которую удалось отбить при артиллерийской поддержке сил ОВМБ и армейской артиллерии. В 70-е гг. она получила широкую известность как «психическая атака» – под таким названием она вошла в мемуары бывшего начальника штаба Приморской армии, маршала Советского Союза Крылова, а оттуда попала в фильмы «Поезд в далекий август» и «Подвиг Одессы».

Из 31-го стрелкового полка Петрову в 19.25 доложили, что *«(в) 19.00 часов противник силою до батальона в полный рост с развернутым знаменем пытался наступать в направле-*

¹⁰³ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 152.

¹⁰⁴ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 153.

¹⁰⁵ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 17–18.

¹⁰⁶ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 154.

¹⁰⁷ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 20–21.

¹⁰⁸ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 155.

нии южнее 63,3. Но сосредоточенным огнем 3-х дивизионов знамя свернул и свернулся частью сам, а частью остался на месте.

По данным наблюдения, за ним в одном-полутора км сосредоточилось до батальона пехоты. Все данные о противнике требуют подтверждения...».¹⁰⁹

Через 20 минут Петров в очередном донесении сообщил об этом в штаб армии, полковнику Крылову, дословно повторив информацию, сообщенную ему из полка.¹¹⁰

Ни о какой «психической» атаке речь в его донесении не шла. Однако в оперсводке за 23 августа и в журнале боевых действий Приморской армии случай стал выглядеть уже по другому:

«(в) районе отм. 63,3 пр-к до 2-х батальонов ротными колоннами, в полный рост со знаменем перешел в атаку, метким артогнем до 50 % было уничтожено, остальные в беспорядке убежали с поля боя»

После войны в своих мемуарах Крылов изложил этот эпизод с новыми подробностями:

«23 августа на участке 31-го полка Чапаевской дивизии противник предпринял «психическую» атаку. Примерно два неприятельских батальона двинулись к нашим позициям ротными колоннами, во весь рост, с оркестром... Артиллерия, минометы, пулеметы уложили не меньше половины наступающих, остальные в беспорядке бежали с поля боя. До наших окопов не дошел ни один вражеский солдат.

Получив краткое донесение об этом, я послал в Южный сектор капитана И.П. Безгинова, чтобы узнать подробности. Вернувшись, Иван Павлович доложил:

– Все точно – или прямо как каппелевцы в фильме «Чапаев». Офицеры с шашками наголо, солдаты пьяные.

Наши встретили их дружным огнем. Можно считать, что уничтожен целый батальон. Попытка ошеломить, взять на испуг наших бойцов привела к обратным результатам. Красноармейцы расценивали «психическую» атаку как проявление отчаяния врага, не способного нас одолеть».

Однако дальше всех в этом вопросе, несомненно, пошел писатель Владимир Карпов, который в «документальном» романе «Полководец», несмотря на собственный боевой опыт, счел возможным написать об этом случае следующее: «23 августа Петрову доложил по телефону командир 31-го полка о начале какой-то необычной атаки. Петров, выйдя тут же на наблюдательный пункт, увидел, что по полю движутся четкими развернутыми строями подразделения противника. Прямо как в фильме “Чапаев”! Офицеры шагали с шашками наголо, а солдаты с винтовками наперевес. Позади строя, сверкая начищенными трубами, шел и играл оркестр. Звучал четкий марш, и колонны, чеканя шаг, как на параде, приближались к нашим позициям. Все это было очень неожиданно и выглядело как-то несерьезно. – Ну, это не от хорошей жизни, – сказал генерал Петров. – Они потеряли надежду одолеть нас в обычном бою и поэтому бросаются на такую крайность. Неужели они не понимают, что в наши дни, при современном оружии, психическая атака равноценна самоубийству? Генерал молча смотрел на приближающегося противника и невольно любовался своеобразной красотой движущихся под звуки марша войск. Был солнечный день. Роты шли по полям ровно. Сверкали начищенные сапоги офицеров и обнаженные сабли в их руках. Было тихо. Никто не стрелял. Только звучала музыка. Все замерли, пораженные этим неожиданным парадом смерти. – Красиво идут! – произнес Иван Ефимович точно те слова, которые сказал когда-то Чапаев при виде таких же колонн каппелевцев. – Но глупо! Ах как глупо! Даже жалко их, хоть это и враги. Ну что же, не мы вас сюда звали! Начальник артиллерии, открыть огонь! Разогнать и уничтожить эту глупую нафабренную банду! Ударил артиллерия. Было странно и жутко видеть, как рвутся

¹⁰⁹ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 99, л. 350.

¹¹⁰ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 99, л. 351.

снаряды, вскидываются черные конусы земли, огня и пламени вблизи колонн, а потом и прямо в гулце шагающих. Сломались ряды, наступающие затоптались на месте. Еще несколько прямых попаданий, и солдаты стали разбегаться. Замолк оркестр, его тоже накрыли взрывы. Офицеры махали клинками, кричали, звали вперед, но в это время ударили еще и пулеметы, зацелкали выстрелы винтовок. Сраженные падали то тут, то там. Наконец, уцелевшие повернули и общей массой кинулись назад, а пули выхватывали все новых и новых убитых. Немногие добежали до своих окопов. Долго еще над полем были слышны крики и стоны раненых. Помогать им было некому. Те, кто был проучен нашим огнем в этой психической атаке, возвращаться на поле боя не решались. Только ночью румыны стали уносить раненых. Наши слышали, что в поле идет эта работа, но огня не открыли. Петров был доволен – отбито еще одно наступление, – но все же с некоторой грустью размышлял: «Почему так неразумно вели в бой в современной войне румынские командиры свои войска?»

Истина, как всегда, оказалась где-то посередине. Попытка атаки с развернутым знаменем действительно была. Думаю, она связана с приездом 22 августа в 4-ю армию Чуперка свежеспеченного (за день до этого) «маршала Румынии» Антонеску. Румынам нужны были публичные акции, подходящие для пропагандистских целей, но устраивали они их не в ущерб здравому смыслу. Предприняв попытку атаки в полный рост за полтора километра до советских позиций, и конечно, безо всяких ротных колонн, румыны тут же прекратили ее, как только по батальону был сосредоточен огонь артиллерии. В связи с тем, что в этот день уже всюду ощущался «недостаток... 76-мм снарядов для полковых и дивизионных орудий и 122 мм орудий»,¹¹¹ подвезенных 17 августа «Беспощадным» и «Безупречным», огонь этот не мог быть особенно интенсивным.

Румыны не были даже рассеяны – батальон остался на исходных позициях, где был без особого успеха проштурмован вызванными истребителями 69-го ИАП. Но так как успешная операция явно была нужна противнику именно этим вечером, румынское командование сменило тактику на более вменяемую.

И после того как румыны ввели в бой части второго эшелона 21-й ПД, в результате ожесточенного боя им удалось выйти на северные окраины Петерсталя и Францфельда. В бою был тяжело ранен командир 287-го СП подполковник Султан-Галиев. На его место был назначен заместитель начальника штаба 25-й СД капитан Ковтун-Станкевич.

Взятие румынами окраин двух населенных пунктов, многократно переходивших из рук в руки, было прочно забыто обеими сторонами, а вот попытка «психической» атаки еще долго вспоминалась генералами, писателями и режиссерами, как яркий пример разгрома глупого и фанатичного врага.

Положение, сложившееся к концу дня, было тревожным.

В этот день командование Приморской армии доложило командующему ООР контр-адмиралу Жукову о том, что «*личный состав в течение 16 дней ведет непрерывный бой. Резервов нет, пополнение за счет дополнительной мобилизации, обученные резервы исчерпаны полностью*».

Людские резервы Приморской армии были истощены. И не последнюю роль в этом сыграл и катастрофический прорыв фронта в Южном секторе, вызванный необдуманным контр-ударом под Кагарлыкком, предпринятым 17 августа командованием Приморской армии.¹¹²

Невероятным усилием части сектора смогли восстановить положение после, казалось, необратимой катастрофы, но сил у них уже не оставалось.

25-я СД, пополненная ополченцами, уже была в состоянии удерживать свои позиции, но теперь боеспособность потеряла 1-я кавдивизия. Два ее полка – 5-й и 7-й, потерявшие за

¹¹¹ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 156.

¹¹² ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 156.

два дня боев до половины состава, решено было отвести в армейский резерв «для приведения в порядок и доукомплектования». В южном секторе оставался 3-й КП, выведенный в резерв начальника сектора в район Дальника. Для совместных с ним действий командующий армией передал свой резерв – 2-й добровольческий отряд моряков Черноморского флота, прибывший из Севастополя.

Также в распоряжение командира 1-й КД были переданы разведбатальон и рота связи, которые предназначались для формирующейся Одесской стрелковой дивизии.

Оборона в Южном секторе снова начинала обретать устойчивость.

Стабилизация (24–26 августа)

В ночь на 24 августа румыны продолжили практиковать ночные атаки, нанося удары в прежнем направлении – встык между 31-м и 287-м полками. Противник после того, как части дивизии зацепились за подготовленный рубеж, стал нести значительно большие потери, чем раньше.¹¹³

21-я пехотная дивизия румын наступала на позиции сектора, развернувшись в один эшелон, но все три ее полка – 1-й, 24-й и 17-й – имели двухэшелонный порядок и действовали отдельными батальонами. К сектору подтянулась и 14-я пехотная дивизия, но из ее состава пока по-прежнему наступал один полк – 6-й.

После 4 ночных атак, когда стало ясно, что сопротивление со стороны батальонов 31-го стрелкового полка ослабевает противник сосредоточил основные усилия на его участке. 287-й стрелковый полк немедленно воспользовался этой ситуацией и контратакой восстановил положение на своем участке в районе высоты 63,3.

К утру у румын наметились определенные успехи в левой части сектора – около 7 часов утра 45-й батальон ВНОС, не выдержав давления противника, без приказа оставил Петерсталь. 31-й СП во время ночных боев, несмотря на то, что по нему наносились основные удары противника, сумел сохранить боеспособность. Большие потери понес только его 1-й батальон. После того как батальон усилили ротой, переброшенной автотранспортом из Овидиополя, полк в 11.00 нанес сильный контрудар на своем участке, снова заняв Петерсталь и южную окраину Францфельда.¹¹⁴

На приведение частей в порядок после полученной трепки и на перегруппировку у румын ушло около шести часов. Около 17 часов румыны снова перешли в наступление, к которому на этот раз успели основательно подготовиться.¹¹⁵

Румынский батальон при поддержке 8 танков, прорвав оборону 31-го полка, на участке, наиболее близком к Юзефсталью, в котором размещался штаб полка, обошел Петерсталь слева и перерезал дорогу на Юзефсталь. Одновременно румынские части сковали батальоны 31-го СП боем на всем протяжении их позиций, чтобы исключить возможность переброски их подразделений к месту прорыва. Весь состав штаба и тыловых служб 31-го полка занял оборону на окраине поселка. Начальник сектора генерал-майор Петров направил к Юзефсталью находившийся в Дальнике 3-й кавалерийский полк.

Румыны, по-видимому, предусматривали такую возможность и нанесли по Дальнику сильный авиаудар, однако опоздали по времени. Полк уже покинул Дальник, и пострадали только поселок и находившийся в нем штаб дивизии, в который попало 10 зажигательных бомб. Поселок горел, но кавполк, совершив в светлое время суток максимально быстрый марш к Юзефсталью, спешил в районе прорыва и атаковал противника в пешем строю. Бой принял упорный характер.¹¹⁶

С наступлением темноты румынские танки убрались с передовой, причем один из-за поломки не сумел это сделать и был «взят нашими частями неподбитым».¹¹⁷

Так как по скоплениям противника в районе Петерсталя вели огонь дивизионная артиллерия, 411-я и 39-я береговые батареи, румыны снова сделали акцент на ночные атаки. После

¹¹³ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 24–25.

¹¹⁴ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 157.

¹¹⁵ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 27–28.

¹¹⁶ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 158.

¹¹⁷ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 157.

полуночи ситуация стала критической. Петрову пришлось ввести в бой на правом фланге сектора 2-й добровольческий отряд моряков, а потом и все, что можно было использовать в качестве резерва, включая комендантский взвод. Несмотря на это, ситуация на правом фланге оставалась тяжелой в течение всего дня 25 августа.¹¹⁸

2-й добровольческий отряд моряков и батальон НКВД, поддерживаемые слева подразделениями 287-го, СП с трудом отражали натиск противника. Румыны попробовали провести здесь массированную атаку силами до полка пехоты, а позже – еще одну, такими же силами. Обе атаки удалось отбить ценой больших потерь. Батальон НКВД потерял при отражении этих атак до 60 % своего состава. 7 человек из него не выдержали и сдались в плен.¹¹⁹

Опасаясь, что в случае третьей подобной атаки фронт здесь будет прорван, Петров перебросил на этот участок 3-й кавалерийский полк.

На левом фланге сектора к середине дня румыны стали теснить 31-й СП. В 14.00 его 2-й батальон отошел к высоте 79,4 а к 17 часам румыны захватили ее северные скаты и ворвались на северные окраины Францфельда, в поселке завязался ожесточенный бой. В течение всей ночи подразделения 6-го полка 14-й пехотной дивизии румын безуспешно пытались овладеть южной окраиной поселка. Бои продолжались и всю первую половину дня, после чего румынские атаки прекратились на несколько часов и возобновились с наступлением темноты, но длились на этот раз всего 2 часа и успеха снова не имели.^{120 121}

В первой половине следующего дня румынские удары окончательно утратили пробивную способность. Ни одна из многочисленных попыток перейти в наступление на различных участках сектора успеха не имела¹²², поэтому во второй половине дня противник больше не наступал, приводя в порядок потрепанные части и перегруппировывая свои силы.¹²³

Относительное затишье в Южном секторе позволило командованию ООР перебросить предназначенные для него резервы на более угрожаемое направление. 5-й кавалерийский полк, находившийся в армейском резерве, был «выброшен на восточный сектор», где во второй половине дня противнику удалось добиться успеха, наступая в направлении Ильичевки.¹²⁴

После захода солнца в 21.30 части 21-й пехотной дивизии перешли в наступление по всему сектору. Основной удар наносился по участку 287-го СП. Упорный бой длился до полуночи. Опираясь на хутор Красный Переселенец, подразделения полка смогли отразить все атаки противника, полностью удержав занимаемые позиции.¹²⁵

Три дня упорных боев показали, что на участке Южного сектора фронт наконец стабилизировался и сложилась ситуация неустойчивого равновесия.

По показаниям пленных, пехотные полки противника за последние 3 дня боев понесли потери до 50 % личного состава и вынуждены были пополнять боевые подразделения за счет хозяйственных и тыловых.

Части сектора все-таки получали скудные, но пополнения и с их помощью удерживали фронт, хотя вопрос получения людских резервов с каждым днем становился все острее. Несмотря на доклады ВС ООР о том, что *«обученные резервы исчерпаны полностью»*, Ставка, по-прежнему не торопилась высылать в Одессу пополнения – ни в виде кадровых частей, ни в виде маршевых рот. Более того, начальник Генерального штаба Красной армии Шапошников в своей телеграмме, направленной 26 августа от имени Ставки Верховного Главнокомандования

¹¹⁸ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 31.

¹¹⁹ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 162.

¹²⁰ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 164.

¹²¹ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 34–35.

¹²² ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, л. 38–39.

¹²³ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 21, лл. 40–41.

¹²⁴ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 165.

¹²⁵ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 32, л. 164.

командующему Черноморским флотом адмиралу Октябрьскому, прямо указал что *«необходимо... проявлять исключительную настойчивость и до конца использовать людские ресурсы района на пополнение боевых потерь... полностью использовать силы местного населения, средства и возможности Одессы»*.

После такой телеграммы ВС флота хотя и отправил в Одессу очередной отряд моряков-добровольцев, включавший 1600 человек, считал, что командование ООР недостаточно использует свои внутренние резервы, сообщив военному совету ООР:

«Вы еще не только можете, а обязаны набрать и послать на передовые позиции 6–7 тыс. человек. Возьмите все войска НКВД, милиции, где два писаря, делопроизводителя, кока, кладовщика, казначея и т. д. – оставьте одного, а где пять – три отправьте на фронт. Вы не взяли еще все, что можно взять».

Военный совет ООР намек понял и на ближайшем заседании признал, что внутренние возможности до конца еще не исчерпаны, после чего действительно нашел резервы.

Но и *«за счет дальнейшего сокращения численности личного состава тыловых учреждений армии и дополнительной мобилизации трудящихся города»* удалось *«направить во фронтовые части для восполнения боевых потерь»* не 6–7 тыс. человек, как этого требовал ВС ЧФ, а всего 500.

Организованная оборона

Битва за «Днепр»

(15 августа – 18 августа)

15 августа в Одессу прибыл учебный корабль «Днепр», на котором находились 600 моряков-добровольцев из Севастополя. Из Одессы «Днепр» должен был эвакуировать в Новороссийск мирных жителей и 4 тыс. т зерна. Моряки были направлены для пополнения 1-го морского полка, а командир корабля, капитан 2-го ранга Моргунов и военком корабля полковой комиссар Бубличенко направились к комиссару Одесской ВМБ, полковому комиссару Дитятковскому и попросили его рассказать экипажу корабля, как моряки защищают Одессу на суше. Комиссар базы согласился, но когда он прибыл на борт «Днепра», выяснилось, что вместо эвакуируемых и зерна корабль принимает на борт значительные количества каких-то военных. Еще больше военных находилось на причале, ожидая своей очереди. Количество грузившихся поразило военкома базы – из них можно было сформировать как минимум один батальон, при этом многие из них были вооружены, и на причале имелись даже станковые пулеметы.

«Непонятно, – удивился командир «Днепра», – моряков доставляем сюда, – а красноармейцев забираем отсюда». У руководившего погрузкой прокурора Приморской армии бригадного военюриста Корецкого удалось выяснить, что эвакуация производится по решению Военного совета армии.

Дитятковский связался по телефону с контр-адмиралом Жуковым, являвшимся командиром Одесской ВМБ и по совместительству, начальником гарнизона Одессы.

Д: – Известно ли вам о посадке на «Днепр» войсковых частей?

Ж: – Нет,

Д: – Что будем делать?

Ж: – Поговорю с командующим армией или членом Военного совета.

Ни командующего армией, ни члена Военного совета Жуков разыскать не смог и дал Дитятковскому новые указания.

Ж: – Посадку допускать нельзя.

Д: – Но часть военнослужащих уже на борту, а на причале их еще не меньше тысячи.

Ж: – Приостановите посадку. Еду в штаб армии.

Через некоторое время Жуков прибыл к трапу в сопровождении начальника штаба Приморской армии генерал-майора Шишенина. Под его нажимом Шишенин отдал распоряжение прекратить погрузку.

Тогда комендант Одесского порта капитан-лейтенант Романов доложил, что военнослужащие были приняты и на другие транспорты, которые уже ушли из Одессы в Севастополь. Транспорты эти были немедленно установлены, ими оказались «Армения», «Кубань», «Пестель», «Азов» и «Восток». После чего Жуков немедленно доложил о них командующему Черноморским флотом. Октябрьский приказал транспорты ввести в Казачью бухту, задержать и организовать немедленное их обследование на предмет выявления дезертиров.

После такого решения командующего флотом армейскому руководству и дальше делать вид, что ничего не происходит, становилось уже просто неудобно. Реакция командующего Приморской армией генерал-лейтенанта Софронова была молниеносной.

В порт был отправлен ЧВС Приморской армии Воронин, который при объезде порта, произведенном им совместно с Жуковым, разъяснил последнему, что ВС армии проводит эвакуацию из Одессы наиболее ценных специалистов, не нужных при обороне города. Одно-

временно член Военного совета вынужден был признать, что у отправляющихся командиров и красноармейцев действительно имелось при себе много оружия. Также выяснилось, что кроме рядового и начальствующего состава Приморской армии в Новороссийск направляются и довольно много сотрудников органов милиции и НКВД, также имеющих при себе стрелковое оружие и гранаты.

Вечером того же дня Жуков и Дитятковский были вызваны к Софронову. В присутствии члена Военного совета армии дивизионного комиссара Воронина, повышенным тоном, не предлагая вошедшим сесть, командующий армией поинтересовался:

– Вы что, решили установить двоевластие в Одессе? Для вас не обязательно решение Военного совета армии?

– Мы не знали, что Военный совет армии решил отправить из Одессы более двух тысяч бойцов. Знаем только о категорическом указании Военного совета Юго-Западного направления, подписанном Буденным, Хрущевым и Покровским: Одессу не сдавать ни при каких условиях. Вы же отправляете бойцов и командиров из Одессы, причем с оружием, – ответил Жуков.

– Это специалисты, – сухо сказал Софронов. – Мы решили отправить их в тыл. Ваше дело выполнять решения Военного совета, а не срывать их.

– Флот прислал в Одессу добровольческий отряд. В нем тоже немало ценных специалистов, – не выдержал Дитятковский, – электрики, минеры, радисты, дизелисты...

Но Софронов в дискуссии вступать не стал и лишь объявил Жукову:

– Вы освобождаетесь от обязанностей начальника гарнизона Одессы. Эти обязанности возлагаются на полковника Коченова, начальника восьмидесят второго укрепленного района. Завтра получите приказ.

– Есть! – ответил Жуков и снял пенсне. – Разрешите быть свободным?

– Да.

17 августа решение командующего армией было оформлено соответствующим приказом, который ввиду важности принимаемых решений был подписан и членами Военного совета армии.

Сов. Секретно

Экз. № 4

ПРИКАЗ

ВОЙСКАМ ПРИМОРСКОЙ АРМИИ

17 августа 1941 г № 003 Действующая Армия

Для подготовки обороны г. Одесса и порта

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Непосредственное руководство подготовкой и организацией обороны возложить на начальника 82 управления УР полковника Коченова.

2. Назначить Начальника 82 управления УР Начальником гарнизона, 82-е Управление УР штабом обороны г. Одесса с передачей ему всех функций штаба начальника гарнизона Одессы.

3. Контр-адмирала Жукова освободить от обязанностей начальника гарнизона г. Одесса.

4. Оборону г. Одесса и порта организовать согласно утвержденного мной плана.

5. Органам местной власти организовать бесперебойное снабжение местного населения продовольствием, водой, медико-санитарным обслуживанием.

6. Штабу обороны проверить и организовать охрану и местную противопожарную оборону города и порта. На случай общего городского пожара для изоляции некоторых районов от пожара организовать подвижные пожарные команды.

КОМАНДУЮЩИЙ ПРИМОРСКОЙ АРМИЕЙ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
СОФРОНОВ

ЧЛЕНЫ ВОЕННОГО СОВЕТА
ДИВИЗИОННЫЙ КОМИССАР ВОРОНИН

БРИГАДНЫЙ КОМИССАР КУЗНЕЦОВ

НАЧАЛЬНИК ШТАБА
ГЕНРАЛ-МАЙОР ШИШЕНИН¹²⁶

Но инцидент этим, конечно, исчерпан не был. В тот же день освобожденный от обязанностей начальника гарнизона Жуков вместе с Дитятковским телеграфировали Военному совету флота и вице-адмиралу Левченко, что Военный совет Приморской армии спланировал эвакуацию из Одессы 2563 военнослужащих, 437 винтовок и 11 пулеметов. Доклад был составлен с флотской обстоятельностью. В нем упоминалось и об острой нехватке стрелкового оружия и живой силы на оборонительных рубежах города, а также о том, что несмотря на неоднократные доклады Жукова Военному совету Приморской армии, в порту и на станции скапливалось большое количество неразгруженного оружия и боеприпасов, которое затем было уничтожено налетом вражеской авиации. При этом моряки не забыли указать и то, что Военный совет армии считает, что, препятствуя посадке на транспорты военнослужащих, командование базы создает в осажденном городе двоевластие. В заключение моряки просили «*принудить Военный совет Приморской армии к решительным действиям и прекратить эвакуацию рядового и младшего начсостава из Одессы*».

Одновременно Военный совет Черноморского флота доложил о случившемся главнокомандующему Юго-Западного направления маршалу Буденному, а также адмиралу Кузнецову и маршалу Шапошникову, правда, уже в несколько иных выражениях. Командование флота сообщало, что «*Военный совет Приморской армии начал эвакуацию войск из Одессы с оружием и на транспортах, предназначенных для перевозки женщин, детей и ценных грузов. 16 августа на транспортах... Военным советом армии было направлено больше двух тысяч человек бойцов и командиров. С огромными трудностями удалось их высадить с транспортных, но все же 600 человек начсостава и бойцов с пулеметами, винтовками, гранатами и боезапасом были задержаны в Севастополе*». Далее Военный совет ЧФ в ярких красках описывал, что «*...в Одесском порту царил хаос, был огромный наплыв войск. Они требовали посадки на транспорты, причем предъявляли документы, подписанные начальником тыла и прокурором армии от имени военного совета*», делая вывод что, «*...Военный совет Приморской армии не собирается защищать Одессу до последнего бойца, так как большое количество оружия вывозилось. Имея это оружие, можно было сформировать новые части из местного населения и поставить их на защиту города*» и просил принять решительные меры по наведению порядка в Приморской армии и в городе, вплоть до отстранения от должностей тех руководителей, которые не выполняют решений высшего командования.

¹²⁶ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 3, л. 27.

Сколько частей можно сформировать, используя вывозимые 437 винтовок и 11 пулеметов, Военный совет флота, естественно, не сообщил. Развитие дальнейших событий показало, что командование флота вкладывало в слова «защита до последнего человека» совершенно конкретный смысл и в случае критического развития событий было готово посылать в бой даже практически безоружных людей, не имеющих никакого вооружения, кроме нескольких гранат, как это произошло 24 августа.

При этом член Военного совета ЧФ Азаров на всякий случай послал из Николаева с отходившим самолетом в Одессу находившемуся там заместителю наркома ВМФ, армейскому комиссару 2-го ранга Рогову записку с кратким изложением ситуации и просьбой поддержать Жукова.

Получив такой доклад, вице-адмирал Октябрьский приказал командиру Одесской военно-морской базы *«на все отходящие из Одессы и Очакова пароходы, как военные, так и гражданские, сажать только раненых, женщин, детей и стариков»* и запретил *«принимать на корабли и вывозить из Одессы и Очакова не только военных, но и гражданских лиц, способных носить оружие, от 18 до 55 лет»*. При этом командующий флотом, *«учитывая, что дезертирство идет под видом всяких командировок»*, распорядился *«никаких документов для данной категории лиц не принимать»*, за исключением приезжающих *«из высших штабов и центральных учреждений»* и учредил собственную *«контрольно-комендантскую службу»*. Об этом приказе он уведомил командующего Приморской армией и просил Военный совет Южного фронта утвердить его распоряжение.

В ответ Военный совет Приморской армии донес главному Юго-Западного направления Буденному, командующему Южным фронтом Тюленеву и наркому ВМФ Кузнецову о недисциплинированности контр-адмирала Жукова, который, нарушая приказ по армии, снимает всех военнотружущих с пароходов. Софронов и Воронин просили отменить распоряжения командующего Черноморским флотом и указать ему, что все решения Военного совета армии по эвакуации обязательны и для флота.

Задействовав все доступные им способы влияния на ситуацию, обе стороны, сознавая, что размах конфликта уже сопоставим с накалом боевых действий, с тревогой и надеждой ожидали вмешательства в склоку Ставки Верховного Главнокомандования.

И такое вмешательство не заставило себя долго ждать.

Создание ООР (19 августа)

Уже в ночь на 19-е августа Ставка издала директиву, подписанную Сталиным и Шапошниковым:

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 001066

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА,

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ

ЮГО-ЗАПАДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ,

КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ ЮЖНОГО ФРОНТА

И ЧЕРНОМОРСКИМ ФЛОТОМ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ

ОБОРОНЫ ОДЕССЫ

19 августа 1941 г. 02 ч. 45 мин.

Командующим Одесским оборонительным районом назначить контр-адмирала Жукова с непосредственным подчинением его командующему Черноморским флотом.

Контр-адмиралу Жукову подчинить все части и учреждения бывшей Приморской армии, все части Одесской морской базы и приданные ей корабли.

Задачи:

а) Одесский район оборонять на рубеже Фонтанка, Кубанка, Ковалевка, Отрадово, Первомайск, Беляевка, Маяки, ст. Каролина-Бугаз до последнего бойца;

б) при организации обороны уделить особое внимание созданию и развитию оборонительных инженерных сооружений.

Создать тыловые оборонительные рубежи и привести в оборонительное состояние город:

в) мобилизовать и использовать все способное население для обороны города и района; создать запасные части;

г) изъять из тыловых частей и учреждений весь излишний начальствующий состав и использовать их для службы в строю;

д) установить в городе и в районе жесткий порядок и соответствующий режим для гражданского населения. Всех немцев в районе взять на особый учет и под жесткий контроль;

е) выявить в районе и городе наличие вооружения, военной техники и другого военного имущества, использовать для обороны и донести.

Все ненужное для обороны имущество эвакуировать. Эвакуацию производить во всех случаях лишь с разрешения контр-адмирала Жукова (...)

4. Получение подтвердить.

И. СТАЛИН

Б. ШАПОШНИКОВ¹²⁷

Вся полнота военной власти в Одессе этой директивой передавалась контр-адмиралу Жукову, бывшему ранее комендантом Одесской ВМБ и по совместительству начальником Одесского гарнизона. Теперь он назначался командующим Одесским оборонительным районом. При этом Приморская армия как бы упразднялась и именовалась в директиве «бывшей», хотя прямого распоряжения о ее расформировании не было. Каким образом контр-адмирал будет решать задачу обороны «до последнего бойца» и как будет командовать вверенными ему частями Приморской армии, Ставка не уточнила.

Директива, помимо вопроса о командовании, полностью перешедшего теперь к флотскому начальству, ставила и точку в затянувшемся конфликте, ставшем причиной его передачи. Все нужное и пригодное для борьбы с врагом должно было использоваться на передовой, а что нужно и что не нужно для обороны города – теперь решал флот.

В соответствии с директивой Ставки командование ООР на следующий день отдало собственный приказ, запрещающий выезд из Одессы всем, способным носить оружие:

ПРИКАЗ

ВОЙСКАМ ОДЕССКОГО ОБОРОНИТЕЛЬНОГО РАЙОНА

20 августа 1941 г. № 08 г. Одесса

О запрещении выезда из Одессы лицам в возрасте от 18 до 55 лет

Ввиду того, что за последнее время участились случаи отъезда и попыток к выезду из Одессы лиц, способных носить оружие, ПРИКАЗЫВАЮ:

1. На все транспорта, военные и торговые, сажать только раненных, женщин, детей и стариков по специальным пропускам.

2. Не принимать на транспорта гражданских лиц и военнослужащих в возрасте от 18 до 55 лет, какие бы документы они ни предъявляли.

3. Не допускать на территорию порта лиц, не имеющих специальных пропусков. Всех лиц, проникших на территорию порта и пытающихся незаконно выехать, арестовывать и сдавать коменданту города.

4. Разрешить организованный выезд рабочих, служащих и курсантов, эвакуируемых вместе со своими учреждениями по особому плану.

5. Начальнику охраны тыла Одесского оборонительного района выделить в распоряжение военного коменданта торгового порта наряд для контрольно-пропускных постов, патрули для охраны порта в соответствии данных мною ранее указаний и приказать нач. облмилиции выделить дополнительный наряд у ворот Торгпорта.

¹²⁷ ЦАМО.РФ, ф.148а, оп. 3763, д. 90, л. 50, 51.

6. Личную ответственность за исполнение этого приказа несет начальник охраны тыла Одесского оборонительного района.

Основание: Приказание военного совета Ч.Ф. от 18.8.41 г.

*КОМАНДУЮЩИЙ ОДЕССКИМ
ОБОРОНИТЕЛЬНЫМ РАЙОНОМ
КОНТР-АДМИРАЛ ЖУКОВ*

ВОЕНКОМ ПОЛКОВОЙ КОМИССАР ДИТЯТКОВСКИЙ

*НАЧАЛЬНИК ШТАБА
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ШИШЕНИН¹²⁸*

Однако Военному совету Черноморского флота и эти, предписанные указанием с самого верха, меры показались недостаточными, и он сформировал постоянную оперативную группу из политработников, которая тут же отправилась в Одессу под началом ЧВС ЧФ, бригадного комиссара Азарова, назначенного членом Военного совета создаваемого Одесского оборонительного района.

Вообще командование флота постоянно подчеркивало, что для успешной обороны Одессы необходим переход всей власти в городе к военно-морскому командованию. Нарком ВМФ Кузнецов предложил командующему ЧФ, вице-адмиралу Октябрьскому, предупредить контр-адмирала Жукова, что, исходя из опыта Николаева, он должен командовать как военными, так и гражданскими учреждениями, к не желающим подчиняться принимать меры на месте, и если понадобится – применять оружие.

Член Военного совета ЧФ, дивизионный комиссар Кулаков впоследствии вспоминал, что «командующий ООР облакался всей полнотой власти в районе Одессы. Ему подчинялась как военно-морская база с приданными кораблями, так и сухопутные войска – Приморская армия. Он был обязан мобилизовать и использовать для обороны города и района все способное к этому население, направить в строй весь излишний состав тыловых частей и учреждений».

Командование Приморской армии, скорее всего, узнало о телеграмме Ставки по своим каналам. Сразу по получении телеграммы Ставки Жуков вместе с Дитятковским снова были вызваны к генерал-лейтенанту Софронову. И снова при разговоре присутствовал ЧВС Приморской армии Воронин.

– Жалуетесь? – поинтересовался Софронов, выглядевший, впрочем, по впечатлению моряков, значительно поправившимся.

– Не жалуемся, а излагаем свою точку зрения, – уточнил Жуков.

– К чему нам ссориться, дело-то у нас общее, – заметил Софронов.

В ответ Жуков поинтересовался, знает ли Софронов о решении, принятом Ставкой и, услышав:

– Никаких решений мы не получали, – достал телеграмму и протянул ее командующему армией. Прочитав телеграмму, Софронов несколько занервничал, передал телеграмму Воронину, и перейдя на «ты», сказал последнему:

– Читай. – Прочитав телеграмму, Воронин не смог скрыть нахлынувших чувств и заявил:

– Не понимаю, что мне теперь делать в Одессе. Уеду.

– Не стану задерживать, – не отказал себе в маленьком удовольствии продемонстрировать, кто здесь теперь хозяин, Жуков.

– А я солдат и никуда не уеду, – заметил Софронов. – Готов подчиниться. Дадите дивизию – буду командовать дивизией.

¹²⁸ ЦАМО РФ, ф. 288, оп. 9900, д. 3, л. 28.

Доведя до сведения Военного совета Приморской армии принятое Ставкой решение, Жуков не избежал искушения попытаться и вовсе обойтись без командования Приморской армией. Свой первый приказ, ставящий боевые задачи частям ООР, он отдал войскам напрямую, в ночь на 20 августа. Командование Приморской армии, узнав о нем только из докладов, сделанных по телефону командирами дивизий и учитывая, что в директиве Ставки армия была названа бывшей, всерьез задумалось о том, сохранится ли дальше Приморская армия как оперативное объединение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.